

ФИЛИП АРДА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭДДИ ДИККЕНСА

БЕСПРОСВЕТНЫЙ ТУПИК

• РОСМЭН •

ФИЛИП АРДА
БЕСПРОСВЕТНЫЙ
ТУПИК

• РОСМЭН •

Когда родители Эдди Диккенса
подхватили ужасную болезнь,
отчего пожелтели,
стали расплывчатыми по краям
и начали пахнуть грелкой
с застоявшейся водой,
они отправили сына к родственникам
в Беспросветный Тупик.

На беду, родственниками Эдди
оказались Безумный Дядя Джек
и Еще Более Безумная Тетя Мог,
а их поступки в точности
соответствовали их именам.

Безумное путешествие
в Беспросветный Тупик
происходило в XIX веке.

Славные были времена,
когда твоими попутчиками
запросто могли стать бродячие актеры,
беглые сироты и даже чучело горноста
по кличке Малькольм!

ISBN 5-353-01276-3

9 785353 012764

Милин Арда

Беспросветный Тупик

**Приключения
Эдди Диккенса**
Книга 1

Перевод
И. Н. Фридмана

Иллюстрации
Дейвида Робертса

МОСКВА • РОСМЭН • 2003

ББК 84(4Вел)
А79

Philip Ardagh
AWFUL END

© *Philip Ardagh, 2000*

Illustrations © David Roberts, 2000

*Published by arrangement
with Faber and Faber Ltd.*

*Наш адрес в Интернете: **www.gosman.ru***

ISBN 5-353-01276-3

© ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2003

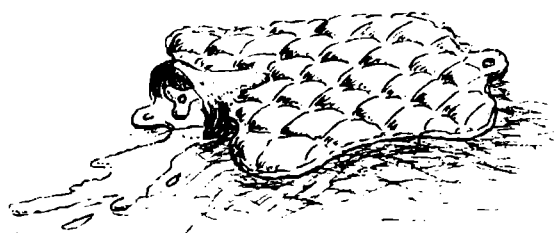
Предисловие автора

(Прилагается бесплатно)

«Беспросветный Тупик» первоначально писался мною в форме отдельных выпусков, поэтому главы в нем называются эпизодами. Я посылал эти эпизоды своему племяннику Бену в школу-интернат, где он тогда учился. К моему удивлению, их читали вслух своим ученикам заведующий интернатом и его жена — Па и Ма Брауны. Я посвящаю эту книгу им, а также Корделии, Франческе, Хетти, Генри, Изабелле, Кэти и Теду Райли. Мне хотелось бы, чтобы их жизнь — равно как и ваша — была полна дурацких приключений.

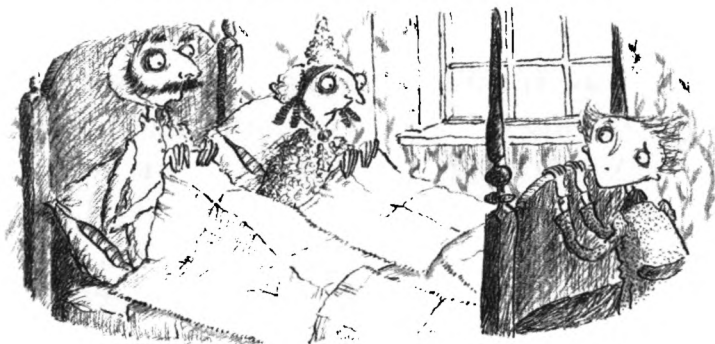
*Филип Арда
Англия*

Расплывчатые по краям

Эпизод 1,

*в котором Эдди Диккенса отсылают из
родного дома для его же пользы*

Когда Эдди Диккенсу было одиннадцать лет, его родители подхватили какую-то ужасную болезнь, отчего пожелтели, стали расплывчатыми по краям и начали издавать крайне неприятный запах; так пахнет от грелки с застоявшейся водой.

В те времена подобные болезни не были такой уж редкостью. Возможно, причина заключалась в густом смоге, мощенных булыжником улицах и в том факте, что все ездили тогда на лошадях, причем во все места без исключения — даже в уборную. Как знать, как знать...

— Эта болезнь очень заразная, — сказал папа.

— И прилипчивая, — добавила мама, посасывая кубик льда в форме знаменитого генерала.

Разговор происходил в спальне родителей Эдди, очень темной и закопченной; в ней не было никакой мебели, если не считать большой двуспальной кровати, еще более массивного гардероба и стульев тридцати двух видов, сконструированных таким образом, что на них можно было сидеть только прямо, даже если приковать седоку руки к коленкам при помощи наручников.

— Зачем ты сосешь кубик льда в форме знаменитого генерала? — спросил Эдди у мамы.

Обложенные со всех сторон грелками и подушками, его родители сидели очень прямо на своей уродливой двуспальной кровати.

— Доктор Маффин говорит, что это помогает от опухолей, — пояснила мама.

На самом деле, поскольку у нее во рту находился кубик льда в форме знаменитого генерала, она произнесла следующее: «Вохтур Маффин табурет, но это подмывает, лей не жалей». Тем не менее Эдди умудрился перевести эту фразу на общепонятный язык.

— От каких опухолей? — вежливо спросил он.

Мама пожала плечами, отчего пожелтела еще сильнее и стала еще более расплывчатой по краям.

— А почему эти кубики должны быть в форме знаменитого генерала? — спросил Эдди. Он всегда задавал много лишних вопросов, на которые его отец отзывался одним и тем же восклицанием: «Вопросы! Вопросы!»

— Вопросы! Вопросы! — отозвался отец.

Ну, что я вам говорил?

— При чем тут генерал? — не унимался Эдди. — Ведь форма ледяного кубика не имеет значения, не так ли?

— Ногу мне отжимаешь, — процедила его мама, что означало (и до сих пор означает): много ты понимаешь.

Его отец зашуршал постельным бельем.

— Хорошему доктору не задают лишних вопросов, — изрек он. — Тем более если ты ребенок.

Отец был невелик ростом, но, сидя на кровати в окружении грелок и подушек, он выглядел очень громоздким и, пожалуй, даже высоким.

Затем и мама Эдди зашуршала одеялами и простынями. Постельные принад-

лежности мистера и миссис Диккенсов шуршали и шелестели от малейшего прикосновения, потому что были скрое-ны из коричневых бумажных пакетов и склеены при помощи полосок клейкой ленты, которая остается у вас, если вы покупаете на почте не одну марку, а две или больше.

Почтовые марки тогда только еще входили в употребление, и весь народ — за исключением моей прапрапрабабушки по материнской линии — относился к ним с трепетом.

В том, что почтовые марки были тогда большой редкостью, имелась и своя хорошая сторона: никому не приходило в голову их коллекционировать, заводить для них специальные альбомы-кляссеры и носиться с ними, как с писаной торбой. Конечно, это трудно себе представить, но людей, коллекционирующих марки, тогда просто не существовало. Еще одно преимущество дефицита марок состояло в том, что учителя английского языка и литературы не могли издеваться над беззащитными детьми, задавая им свой коронный вопрос: «Как пишется слово «филателист»?» В те времена учителя обращались с детьми, как

с неодушевленными предметами. Впрочем, в этой области мало что изменилось.

Как бы то ни было, даже в те стародавние времена использование коричневых бумажных пакетов в качестве постельного белья было не совсем обычным делом. Скорее, совсем необычным: ведь постельному белью придавали тогда еще более серьезное значение, чем теперь.

В те времена не было синтепоновых одеял с чехлами, которые легко снять и постирать. Кроме пододеяльников, использовали подпододеяльники, простыни и простынки, накидки, наволочки и покрывала, а также одеяла семи различных видов — от самых солидных толщиной с доску (но не таких мягких) до пористых одеялец и покрывал, легких, как паутина.

Чтобы научиться правильно застилать постель, горничная должна была пройти специальный курс обучения длительностью от шести до семи недель в особом тренировочном лагере. Но даже при такой продуманной организации учебного процесса далеко не всем удавалось закончить курс и успешно сдать экзамен; те, кому повезло меньше, чем другим, коротали остаток жизни в шкафу под лестницей, сгорая со стыда.

Шкаф под лестницей в доме Диккенсов занимала Бормотунья Джейн. Она проводила остаток своей жизни в темноте среди разнообразных щеток, швабр, ведер и тряпок, невнятно бормоча себе под нос что-то непонятное насчет «смены белья в больнице» и «растрепавшихся ковровых дорожек». Она никогда не выходила из шкафа и питалась только ветчиной; если ей и перепадала какая-нибудь другая пища, то только нарезанная тонюсенькими кусочками, чтобы ее можно было просунуть в щель под дверцей шкафа.

Причина, по которой мистер и миссис Диккенсы использовали в качестве постельного белья шуршащую коричневую бумагу от пакетов, состояла в Предписаниях врача. Назначая очередной Курс лечения, доктор Маффин всегда давал своим пациентам подробные и четкие Предписания и требовал их неукоснительного исполнения.

Исходивший от родителей запах застоявшейся воды стал таким едким, что Эдди прикрыл нос платком и подумал про себя: «Еще немного, и меня стошнит».

— Ты скоро покинешь эту комнату, сынок, — как нельзя более кстати сказал ему отец.

— Тебе скоро придется покинуть этот дом, — сказала ему мать. — Риск слишком велик. Мы никогда себе не простим, если и ты пожелтеешь, станешь расплывчатым по краям и запахнешь застоявшейся водой из грелки. Тогда окажется, что все деньги, которые мы ухлопали на то, чтобы сделать из тебя маленького джентльмена, ушли, как говорится, коту под хвост.

— Поэтому мы и решили отослать тебя к Безумному Дяде Джеку, — заключил отец.

— Я и не знал, что у меня есть дядя, тем более безумный, — изумился Эдди. Он услышал об этом родственнике впервые в жизни. Но его имя звучало как музыка. Мальчик уже горел от нетерпения с ним познакомиться.

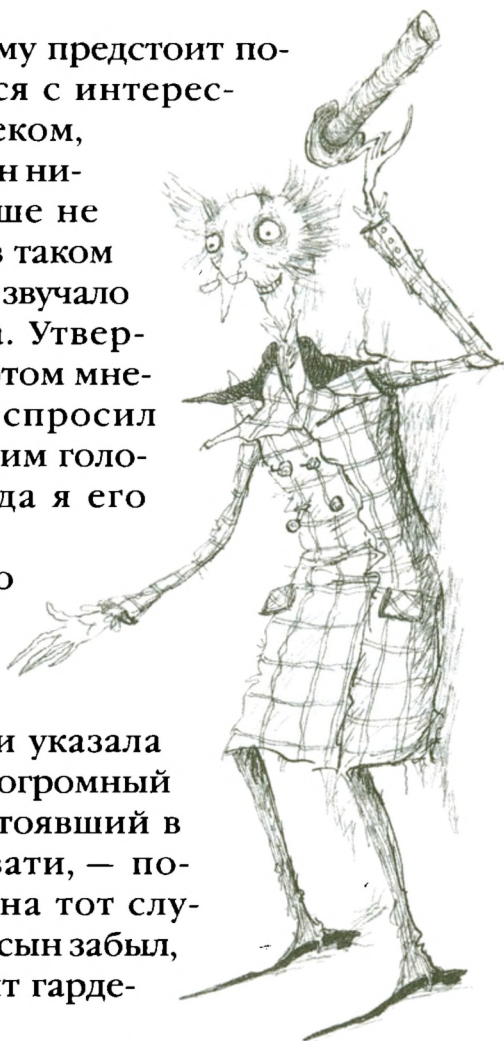
— А я и не говорил, что это *твой* Безумный Дядя Джек, — уточнил отец. — Хотелось бы, чтобы ты приобрел наконец привычку слушать старших более внимательно. Тебе он приходится двоюродным дедушкой.

— Вот как, — разочарованно протянул Эдди. — Ты хочешь сказать, что мне придется называть его Безумным Двоюродным Дедушкой Джеком? — Но тут до мальчика дошло, что это дела не меняет:

все равно ему предстоит познакомиться с интересным человеком, о котором он никогда раньше не слышал. И в таком виде его имя звучало как музыка. Утвердившись в этом мнении, Эдди спросил повеселевшим голосом: — Когда я его увижу?

— Прямо сейчас. Он в гардеробе, — ответила мама и указала пальцем на огромный гардероб, стоявший в ногах кровати, — по видимому, на тот случай, если ее сын забыл, как выглядят гардеробы.

Эдди Диккенс осторожно открыл дверцу гардероба (этот предмет мебели требовал особенно осторожного обращения) и увидел среди платьев своей матери очень-очень-очень-очень высо-

кого и очень-очень-очень-очень худого мужчину с таким носом, рядом с которым клюв попугая показался бы недостаточно попугаистым.

— Прифет, — сказал мужчина вместо привета. Звук «ф» прозвучал в его устах совершенно отчетливо: «ф» вместо «в». Безумный Дядя Джек протянул Эдди свою руку.

Эдди пожал ее с легким поклоном. Как видите, уроки джентльменских манер не пропали для него даром.

Безумный Дядя Джек выпрыгнул из гардероба и встал на овальный коврик, связанный детьми из Приюта для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака. Запомните название этого учреждения: Приют для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака. Видите, я написал его дважды, чтобы потом никто не говорил, что его не предупреждали. Повторяю еще раз: запомните это название. Когда-нибудь вы снова его встретите — возможно, в этой самой книжке, между первой и последней страницами.

— Значит, ты Эдмунд Диккенс, — проговорил Безумный Дядя Джек, глядя на Эдди изучающим взглядом.

— Да, сэр, — подтвердил Эдди, поскольку его действительно звали Эдмун-

дом. Во всяком случае, так звучало его первое имя.

Отец Эдди Диккенса прочистил горло, воспользовавшись для этой цели миниатюрным подобием той щетки, которой местные трубочисты прочищают засорившиеся печные трубы. Эта процедура входила в Предписания доктора Маффина.

— Эдмунд, — обратился к сыну мистер Диккенс, — ты отправишься к моему дяде и будешь жить у него, пока твоя дорогая, любимая мамочка и я... — он сделал паузу, чтобы поцеловать миссис Диккенс в ту часть ее лица, которая пожелтела меньше других и была наименее расплывчатой по краям (этой чести удостоился участок кожи за ее левым ухом), — ...пока мы с мамочкой не поправимся. При этом ты не должен носить ничего зеленого в его присутствии; кроме того, тебе придется выпивать не менее пяти стаканов теплой воды в день и слушаться его всегда и во всем. Ты меня понял?

— Да, папа, — ответил Эдди.

— И вот еще что, Джонатан, — добавила мама Эдди (Джонатан — это запасное имя, или, точнее, прозвище, которое употребляла миссис Диккенс, когда не

могла вспомнить, как зовут ее сына на самом деле).

— Что, мама?

— Будь осторожен. Ты должен приложить все усилия для того, чтобы тебя не приняли за беглого сироту и не отправили в приют, где дети подвергаются жестокому обращению и терпят нужду и горе.

— Не беспокойся, мама. Этого никогда не случится, — заверил ее Эдди Диккенс, с порога отметая эту идею как смешотворную.

Если бы он прислушался к словам матери, все могло бы сложиться совсем по-другому!

Безумный Дядя Джек решил принять ванну, прежде чем отправиться в путь, но, будучи незнаком с расположением комнат в доме, он испытал определенные трудности, когда попытался подняться по лестнице верхом на лошади и не задеть при этом ни одного семейного портрета.

Эти действия показались Эдди особенно нелепыми ввиду того, что Безумный Дядя Джек собственноручно прибил эти портреты к стене несколько минут назад. Этот человек всегда брал с собой

семейные портреты, если удалялся от своего дома более чем на двенадцать миль. А поскольку его дом находился как раз в двенадцати милях от ближайшего населенного пункта, он брал их с собой практически всегда.

Одно из основных Предписаний доктора Маффина состояло в том, что мистер Диккенс и его жена миссис Диккенс не должны были вставать с постели более трех раз в день. А так как сегодня они оба уже дважды покидали постель и намеревались покинуть ее в третий раз после полудня, чтобы участвовать в состязании по перетягиванию каната со своими друзьями и соседями мистером и миссис Теккерейми, которые жили в близлежащем Амбаре, родители Эдди не смогли проводить сына как положено.

Вместо этого им пришлось спустить кровать из окна спальни на лебедке, сооруженной из связанных между собой простыней, которыми родители Эдди перестали пользоваться с того дня, как начали проходить Курс лечения под руководством доктора Маффина.

— Желаю удачи, мой мальчик, — сказал сыну мистер Диккенс. — Я бы с удовольствием поцеловал тебя на прощанье,

но при сложившихся обстоятельствах это невозможно: боюсь, как бы ты не подхватил от меня заразу.

— Выздоровливай поскорее, папа, — отозвался Эдди.

— Всего доброго, Саймон, — сказала ему мать. Миссис Диккенс употребляла имя Саймон в тех случаях, когда не могла вспомнить ни настоящего имени сына (напомню таким же забывчивым, как она, читателям, что мальчика звали Эдмунд), ни его прозвища (Джонатан). — Веди себя хорошо.

— Постараюсь, — пообещал Эдди. — Выздоровливай поскорее, мама.

Начался дождь, и его капли смешались со слезами, стекавшими с материнского лица. Миссис Диккенс чистила лук.

Еще Более Безумная Мог

Эпизод 2,

*в котором Эдди впервые встречается
с Малькольмом... или это была Салли?*

Когда Эдди забрался в крытый экипаж Безумного Дяди Джека, оказалось, что по крайней мере одно место в нем уже занято. В углу сидела пожилая дама и гладила горностаю.

— Ты Малькольм? — спросила дама голосом, которым можно было натирать сыр.

— Вы ошибаетесь, мадам, — возразил Эдди. — Меня зовут Эдмунд.

— Я обращаюсь не к тебе, а к горностаю, — раздраженно отмахнулась от него дама. — Итак, я жду ответа, — настаивала она, пристально глядя на зверька.

Горностай не проронил ни звука. Он даже не шелохнулся и глазом не моргнул.

Дама ухватила его за хвост и подняла к самому потолку коляски (на тогдашнем языке это называлось «поднять на должную высоту»). Горностай оставался неподвижным, как доска.

— Ты Малькольм? — вновь потребовала ответа пожилая дама.

И тут Эдди Диккенсу пришло в голову, что она, по-видимому, сумасшедшая, а зверек — набивное чучело. Он решил — от греха подальше — занять место напротив дамы.

— Оставь это сиденье в покое! — взвизгнула она, и Эдди опасливо застыл на месте.

В эту минуту Безумный Дядя Джек просунул свою узкую голову в дверцу экипажа.

— Не обращай на нее внимания, — посоветовал он Эдди неожиданно резким и решительным тоном. — Она сумасшедшая.

— А кто она такая, сэр? — шепотом спросил Эдди с застенчивой улыбкой.

— Салли Горностай, — ответил его двоюродный дедушка.

— Ее так называли в честь набивного чучела, которое она постоянно тербит? — поинтересовался Эдди.

— Я имел в виду горностаю, наглый щенок! — рассвирепел его двоюродный дедушка. — А эта добрая леди — моя жена, Безумная Тетя Мод. Она приходится тебе двоюродной бабушкой. И, к твоему сведению, она вовсе не сумасшедшая.

Эдди покраснел до корней волос.

— Прошу прощения, уважаемый двоюродный дедушка, — поспешил извиниться мальчик. — Простите меня и вы, достопочтенная двоюродная бабушка, — проговорил Эдди, окончательно сконфузившись. Он еще не успел отъехать от дома, а уже умудрился оскорбить обоих новоявленных родственников.

— Проехали, — сказал Безумный Дядя Джек и переменял тему. — Я ненавижу крытые экипажи и поэтому поеду на крыше вместе с багажом. Увидимся, когда прибудем в Беспросветный Тупик.

— В Беспросветный Тупик?

— Ну да, к нам домой. Ты можешь считать его также и своим домом, пока твои родители не излечатся от своего ужасного недуга, — пояснил Безумный Дядя Джек.

С этими словами двоюродный дедушка Эдди взобрался на крышу экипажа и устроился там рядом с сундучком своего внучатого племянника.

— Трогай! — распорядился Безумный Дядя Джек. — Поехали!

Ничего не произошло. Иначе говоря, экипаж не сдвинулся с места ни на сантиметр.

— Кучер, вперед! — скомандовал Дядя.

Видимо, только тут Безумный Дядя Джек обнаружил, что у них нет кучера. Подняв голову к потолку, Эдди понял, что его двоюродный дедушка пробирается к козлам экипажа.

Добравшись до места кучера, Безумный Дядя Джек издал какой-то звук, похожий на причмокивание. Как правило, после такой команды конное транспортное средство трогается с места.

Но в данном случае экипаж даже не шелохнулся. Воцарилась тишина; слышен был только мягкий стук дождевых капель по шкурке горносталя, которого двоюродная бабушка Эдди выставила в окно.

— Надеюсь, ты славно повоевал, мой храбрый мальчик? — обратилась она к Эдди.

— Какую войну вы имеете в виду? — вежливо поинтересовался Эдди.

— Сколько врагов ты уничтожил? — спросила она.

— Вообще-то ни одного, — ответил Эдди. Разговаривать с Еще Более Безумной Тетей Мод было не легче, чем с ее мужем.

— Тогда нечего корчить из себя маленького лорда! — вспыхнула она, втаскивая горностая обратно в экипаж. — Ну что, Малькольм, ты утолил жажду? Заложил за воротник? Доволен, что пропустил стаканчик?

— А где лошадь?! — донеслось до них восклицание мистера Диккенса.

Эдди узнал отца по голосу, хотя его интонация показалась мальчику еще более желтой и расплывчатой по краям, чем раньше.

Эдди приподнялся и выглянул в окно. Его родители сидели на кровати, висевшей на уровне входной двери.

Дождь не пошел на пользу их постельному белью. Промокшие насквозь коричневые пакеты потемнели и стали еще более коричневыми.

«Если родители проведут на воздухе еще несколько минут, их постель превратится в кашу, — подумал Эдди. — Вряд ли это предусматривалось Предписаниями доктора Маффина».

— Где лошадь?! — повторил отец Эдди, указывая рукой на переднюю часть экипажа. — Как же вы поедете без лошади?

Эдди выбрался наружу и окинул взглядом экипаж. Он понял, в чем была загвоздка. В экипаже сидела Еще Более Безумная Тетя Мод со своим неподвижным горностаем — то ли Малькольмом, то ли Салли (это зависело от того, кем вы его считали, мальчиком или девочкой). На крыше экипажа расположились сундучок Эдди и семейные портреты Безумного Дяди Джека (с которыми тот никогда не расставался), а на козлах сидел его очень худой и очень безумный двоюродный дедушка, который держал поводья в одной руке и кнут в другой.

Однако загвоздка состояла в том — и мистер Диккенс ухватил ее суть совершенно точно, — что в экипаж не былапряжена лошадь.

— Твой двоюродный дедушка забыл ее в ванной! — крикнула миссис Диккенс, смахивая слезу со щеки. Сказать по правде, она прокричала следующее: «Вой, юродивая девушка с тальей диванной!» Ведь рот этой достойной женщины был набит луком.

Спустя несколько секунд слуга мистера Диккенса (который был на свой манер не меньшим — хотя и более скромным — джентльменом, чем его хозяин) вывел лошадь из дома и впряг ее в экипаж Безумного Дяди Джека.

— Спасибо, Дафна, — поблагодарил его Безумный Дядя Джек.

— Рад служить вам, сэр, — отозвался скромный джентльмен.

Будучи истинным джентльменом, знающим свое место, он понимал, что ему не пристало указывать гостю, что его следовало бы называть не Дафной, а Доукинсом. Но его место было на кухне, в большой корзине с оберточной бумагой (за которую он отвечал головой), что не позволяло ему предъявлять чрезмерные претензии. В отличие от него скромный

джентльмен, прислуживавший мистеру Теккерею из Амбара, жил с меньшим комфортом. Его место было на узкой полочке за ящиком с углем в кладовке. Доукинс не имел ни малейшего представления о том, что такое кладовка, но, будучи поистине скромным джентльменом, он и не подумал спросить об этом.

Теперь, когда лошадь была водворена на место, экипаж тронулся в путь. Эдди махал своим родителям рукой из окна коляски, пока они не превратились в маленькие точки, что произошло неожиданно быстро, еще до того, как экипаж свернул на проселок. Возможно, это было как-то связано с их недугом, а может быть, причина крылась в том, что подъездная дорога к дому была необычайно длинной.

— Я думаю, тебе придется раздеться, — объявила Безумная Тетя Мод, когда экипаж загромыхал по разбитой колее проселочной дороги.

Если раньше Эдди покраснел до корней волос, то теперь он побагровел до кончиков ушей.

— Прошу прощения? — пролепетал он в надежде, что ослышался.

Но он не ослышался.

— Я сказала, что, по моему мнению, ты должен раздеться, — подтвердила она свое распоряжение.

— Ээээ... Но почему я должен это сделать, Безумная Тетя Мод? — проговорил он со всей доступной ему вежливостью, мечтая о том, чтобы оказаться в любом другом месте во вселенной, лишь бы не в этом экипаже и не в компании с этой дамой.

— Если ты будешь носить эту одежду здесь, в коляске, тебе нечего будет надеть, когда мы выйдем на улицу, — пояснила Еще Более Безумная Тетя Мод. — Что тут непонятного?

— Но в таком случае, дорогая двоюродная бабушка, — быстро сообразил Эдди, — я замерзну, не доехав до места назначения.

Двоюродная бабушка Мод пристально посмотрела на него. Если бы взгляд мог наносить увечья, то мальчик был бы серьезно ранен, а то и убит наповал.

— Ты никогда не думал о том, чтобы отрастить себе усы? — поинтересовалась она вдруг.

— Но мне только одиннадцать... — пролепетал Эдди.

— Замолчи! — оборвала его Безумная Тетя Мод. — Я задала этот вопрос Маль-

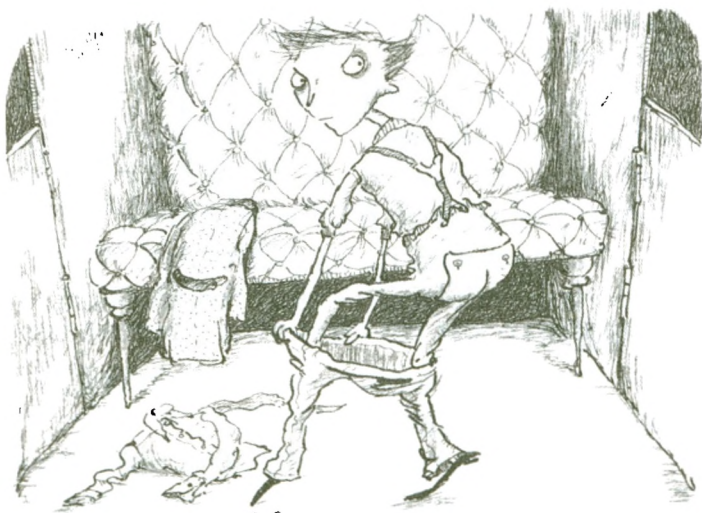
кольму. — Она ласково погладила неподвижного горностаю по переносице между двумя глазками-пуговками.

Горностаю по-прежнему хранил молчание.

Эдди всерьез забеспокоился: вряд ли он доживет до места назначения, если ему придется проехать всю дорогу с этими сумасшедшими. Хорошо еще, что бабушка забыла о том, что приказала ему раздеться...

— Ты долго еще будешь канителиться? — не замедлила обратиться к нему Безумная Тетя Мод. — Живо раздевайся!

Эдди застонал, но безропотно выполнил распоряжение своей двоюродной бабушки.

В это время экипаж остановился, потому что Безумный Дядя Джек решил перекусить в придорожной гостинице под названием «Придорожная гостиница». Она была расположена возле дороги и предназначалась для приема постояльцев, так что не было никакой возможности назвать ее иначе: любое другое название ввело бы в заблуждение как местных жителей, так и проезжающих.

Местные жители в количестве двух человек тепло встретили Безумного Дядю Джека и компанию. Это были хозяева гостиницы, муж и жена, мистер и миссис Лоуф. Никто из них и глазом не моргнул, когда из экипажа вышел Эдди в майке и в кальсонах.

В те стародавние времена мальчик в майке и кальсонах считался раздетым. Никто не мог представить себе человека более обнаженным. Если бы в те дни существовал кинематограф (хотя его не существовало) и в кино показали бы человека на берегу моря в майке и в кальсонах, разразился бы большой скандал. Мужчины с длинными бородами соорудили бы баррикады и спровоцировали бы уличные беспорядки.

Как это ни странно, в те далекие времена никому не приходила в голову,

казалось бы, немудреная мысль: «А не снять ли мне с себя всю одежду, включая майку и кальсоны?» По этой причине людям казалось, что эти вещи были неотъемлемой частью их самих, как, скажем, пальцы на ногах или волосы на голове. Они воспринимали нижнее белье так, как будто это была их кожа, только с пуговицами.

Если бы в те времена кто-нибудь появился на людях в боксерских трусах или в купальнике, с дамами приключился бы приступ меланхолии, а джентльмены пришли бы в ярость. Что такое «приступ меланхолии», в точности неизвестно, поскольку в наше время не сохранилось такой общественной прослойки, как дамы, а с ними сошла со сцены и «меланхолия» со всеми ее свойствами.

Когда с дамой приключалась такая неприятность, как приступ меланхолии, перед ее носом полагалось помахать небольшой бутылочкой с этикеткой «Нюхательная соль».

С этим препаратом произошло то же самое, что и с приступами меланхолии: его больше не существует в природе. Равно как и соли для купания. Вместо этого используется пена для ванны или гель.

Согласитесь, что это наводит на кое-какие размышления.

Одним словом, когда Эдди вышел из экипажа возле придорожной гостиницы под названием «Придорожная гостиница», он почувствовал себя таким голым, какими ощутили бы себя мы, окажись кто-нибудь из нас на его месте в чем мать родила (наручные часы не в счет), хотя на мальчике было больше одежды, чем бывает на нас, когда мы загораем на пляже.

Эдди ожидал, что местные жители — хозяин гостиницы и его жена, мистер и миссис Лоуф, — придут в негодование. Но ничего подобного не случилось.

— Это мистер Эдди, — представил его Безумный Дядя Джек, слезая с козел и становясь рядом со своим внучатым племянником. — Пожалуйста, распорядитесь, чтобы ему отвели место на конюшне, и приготовьте две комнаты: одну для меня и моей достойной жены, а другую — для моей лошади.

— Все будет исполнено точно так, как вы сказали, Безумный мистер Диккенс, — отозвалась миссис Лоуф. Было ясно, что она хорошо знакома с Безумным Дядей Джеком, но Эдди посчитал, что эта женщина поступила невежливо, назвав его двоюродного дедушку Безумным, по-

сколько она не являлась членом семьи. — Проходите, гости дорогие... хотя лучше бы вы здесь не останавливались, а проехали мимо.

Пока жена мистера Лоуфа показывала комнаты двоюродной бабушке и двоюродному дедушке Эдди, сам хозяин повел мальчика на конюшню.

— Вы будете спать здесь, сэр, — сказал он, делая неопределенный жест рукой. — Тут полно соломы, так что тепло и уют вам обеспечены.

— Но почему я должен спать на конюшне, в то время как лошадь будет почивать в гостинице? — спросил Эдди, стараясь говорить рассудительно, чтобы не показаться хозяину плаксивым и беспомощным ребенком.

— Не исключено, что ваш двоюродный дедушка может позволить себе только две комнаты, — высказал предположение хозяин гостиницы. — К тому же он совершенно сумасшедший; это факт, установленный медициной.

— Это сильный аргумент, — кивнул головой Эдди, которого немного знобило.

— Известно ли вам, мистер Эдмунд, что ваш двоюродный дедушка никогда не оплачивает счетов? — поинтересовался мистер Лоуф.

— Тогда почему вы его принимаете? — спросил Эдди.

— Видите ли, он все же платит за постой, но не деньгами, — пояснил хозяин. Дойдя до подходящей (по его мнению) кучи соломы, он поставил на нее сундучок Эдди.

— Чем же он платит, если не деньгами? — спросил Эдди Диккенс, лихорадочно откидывая крышку сундучка и натягивая на себя тот предмет одежды, который первым попался ему под руку. Это оказалась черная пижама, связанная из грубой шерсти согласно одному из Предписаний доктора Маффина. Теперь мальчик почувствовал себя не таким голым. — Чем же, если не деньгами? — повторил он свой вопрос.

— Как правило, вяленой рыбой, — сообщил хозяин гостиницы. — Два сушеных хека за двухместную комнату и половина палтуса — за одноместную. Это тариф за одну ночь. Я никогда не просил его платить рыбой и не подтверждал своей готовности принимать оплату рыбой; тем не менее он всегда платит именно таким образом.

— И что вы делаете со всей этой вяленой рыбой? — поинтересовался Эдди,

сядась на крышку своего дорожного сундучка.

— Я посылаю ее вашему отцу, и, зная тариф нашей гостиницы и обыкновение вашего дедушки расплачиваться рыбой, он делает перерасчет и высылает мне соответствующую сумму денег. Короче говоря, я шлю ему рыбу, а он мне деньги.

— Вы знакомы с моим папой? — разволновался Эдди.

Хоть он расстался со своими родителями сравнительно недавно (не прошло и суток с тех пор, как он покинул родительский кров), но уже успел соскучиться по ним. Если не считать нынешнего путешествия, Эдди за всю свою жизнь всего два раза выезжал из дома; поэтому немудрено, что он чувствовал себя покинутым и одиноким.

В первый раз его послали из дома на море, когда ему исполнился один год, и он жил там, пока не пришла пора поступать в школу. Во второй раз он провел вне дома период от начала учебы до того дня, когда ему исполнилось десять лет. Принимая во внимание все вышесказанное, не следует удивляться, что он почувствовал себя неуютно на конюшне «Придорожной гостиницы».

— Нет, я не имею чести быть знакомым с вашим отцом лично, мистер Эдмунд, — ответил мистер Лоуф. — Но мы ведем с ним оживленную переписку.

— Вот оно что! — воскликнул Эдди. — Теперь я начинаю понимать, откуда берутся странные пакеты, которые мой папа поспешно уносит к себе в кабинет. Мне всегда казалось, что от них пахнет вяленой рыбой. — В глазах мальчика загорелись искорки.

— В ваших глазах загорелись искорки, — сообщил ему хозяин гостиницы. — Как бы вы не спалили мне конюшню...

— Не тревожьтесь, — успокоил его Эдди. — Это всего лишь фигура речи.

— А мне кажется, что все дело в животном магнетизме, — предположил мистер Лоуф.

В те стародавние времена много говорили об «электричестве» и «магнетизме», люди испытывали трепет перед такими вещами, как электрическая лампочка, электрический холодильник и электрический угорь. Говорят, что в угре нет никакого электричества. Но это теперь, а тогда все было иначе. Вы спросите, откуда это известно? Хотя бы из того факта, что Безумный Дядя Джек по окончании каждого своего визита в «Придо-

рожную гостиницу» расплачивался с мистером Лоуфом за постой вялым электрическим угрем. Вы можете думать о Безумном Дяде Джеке что угодно, но нельзя не признать, что он был человеком благородным и, как точно подметил мистер Лоуф, совершенно сумасшедшим.

Мистер Памбаснук

Эпизод 3,

*в котором Эдди переживает по поводу
судьбы носового платка*

Методом проб и ошибок Эдди убедился, что теплее всего лежать в сундучке, но за всю ночь он так и не смог заснуть. Причина заключалась не в том, что мальчик был длиннее сундучка и ему приходилось сворачиваться клубочком, чтобы в нем поместиться. И даже не в том, что через каждые десять минут Еще Более Безумная Тетя Мод врывалась на конюшню, поднимала крышку сундучка и визжала своим резким голосом, пригодным для натирания сыра: «Ты еще не спишь?»; при этом расплавленный воск падал с ее свечи на лицо Эдди. Однако все это было лишь полбеды. А вся беда

была в том, что в дальнем углу конюшни труппа странствующих актеров репетировала спектакль.

Странствующими актерами называли ту странную породу людей (как мужчин, так и женщин), которые шлялись по стране, заманивая ни о чем не подозревающих селян (это местные жители, которые говорят «ага» вместо «да») на сборища под названием «представления».

Так уж повелось, что труппа странствующих артистов возглавлялась человеком, которого называли «актер-импресарио» (что-то вроде «играющего тренера»). Актера-импресарио легко можно было узнать по внушительной комплекции, по трости с серебряным набалдашником, с которой он никогда не расставался, а также по его гулкому неестественному голосу (актер-импресарио имел обыкновение употреблять двадцать два слова там, где хватило бы одного) и по замысловатому смешному имени. Почти всех актеров-импресарио звали «мистер Памблснук», и данный мистер Памблснук не был исключением из этого правила. Он сидел на куче соломы в углу конюшни «Придорожной гостиницы» и давал актерам ценные указания.

— Пых! Пых! — говорил он.

— Оооо, ты и впрямь такой забавный, мой длажайший муженек, — засмеялась его жена, обладавшая рядом скверных привычек, среди которых была и такая: она произносила звук «л» вместо «р». К тому времени, когда вы дойдете до конца следующей страницы, вы возненавидите ее так же, как и все остальные, включая автора. — Оооо, ты шамый остлоумный шеловек на земле, мой длажайший муженек. Кто посмеет это отлицать? — с вызовом спросила она, и это высказывание прекрасно характеризует еще три скверные привычки этой дамы.

Миссис Памблснук начинала все фразы с восклицания «оооо» (обычно с четырьмя «о»); кроме того, она глотала согласные и везде, где это было возможно, заменяла их своим любимым звуком «ш». В довершение всех этих безобразий она сопровождала каждое свое обращение к мужу словами «мой длажайший муженек».

А для того чтобы и глухие получили повод для раздражения (не могла же она обездолить глухих!), миссис Памблснук приобрела также и ряд визуальных скверных привычек. Все ее лицо было

покрыто красными прыщами, такими яркими, каких никто никогда не видел на человеческом лице — напоминаю, что дело происходило в то время, когда люди еще имели человеческие лица, — и миссис Памблснук приобрела по этому случаю скверную привычку расковыривать прыщи своими когтеобразными ногтями и складывать то, что ей удавалось наскрести, в специальный карман, пришитый к подолу ее платья. Еще одна скверная привычка этой дамы состояла в том, что она делала впоследствии с содержимым кармана, но как бы вы меня ни умоляли, я никогда об этом не напишу. Никогда!! Лучше не просите!!!

Существовали некоторые разногласия относительно того, каким образом на ее лице появились эти самые прыщи. Некоторые из странствующих актеров были убеждены, что прыщи возникли после того, как миссис Памблснук выпила принадлежавшую ее мужу «Примочку для бровей», однако другие утверждали, будто прыщи появились из-за того, что последние сорок лет она каждый день перед сном наносила на лицо густой слой театрального грима. Одно не вызывало никаких дискуссий: ни те, ни другие не

сомневались в том, что набивать карманы подгнившей кожной шелухой — самое недостойное из всех занятий, какие только можно себе вообразить.

Поэтому мы поступим разумно, если вернемся к мистеру Памблснуку, который репетирует трудную сцену из нового спектакля.

— Запомните одну вещь. Вы добьетесь хороших результатов только в том случае, если будете проявлять внимание к мельчайшим деталям. Именно это приносит успех актеру, дети мои. Клянусь, вы не пожалеете о затраченных усилиях, — вещал он.

Эдди обреченно застонал. Осознав, что, несмотря на все затраченные усилия, уснуть ему все равно не удастся, он выбрался из сундучка и, потирая глаза, пошел по усыпанному соломой полу к актерам, чтобы от нечего делать поглазеть на репетицию.

— Внимательно понаблюдайте за тем, как я достаю из кармана носовой платок и придаю этим простым действием новый смысл всему зрелищу, вдыхаю в него новую жизнь, — проговорил мистер Памблснук. — Обратите внимание на то, что манипуляции с платком

становятся трактовкой всего спектакля в целом.

С этими словами актер-импресарио вынул носовой платок из кармана своего камзола, сопровождая это в общем-то будничное действие довольно странными ужимками.

Вся актерская братия разразилась бурными аплодисментами, к которым присоединился и юный Эдди Диккенс. Мальчик никогда не видел, чтобы кто-нибудь доставал из кармана платок таким удивительным образом. Это было драматично. Волнующе. Эдди поймал себя на том, что его всерьез обеспокоила судьба этого платка.

— Оооо, у нас появилась публика, мой длажайший муженек! — воскликнула миссис Памблснук, которая обнаружила Эдди и нарушила тем самым магию единения. — Следи нас юный джентльмен.

Мистер Памблснук с величественным видом уставился на мальчика.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Эдди Диккенс, сэр, — пролепетал Эдди.

В это мгновение Безумная Тетя Мод в очередной раз ворвалась на конюшню и решительно устремилась к сундучку Эдди, держа в руке горящую свечу. Она

откинула крышку сундучка и, не обращая внимания на очевидный факт, что в нем никого не было, закричала:

— Ты еще не спишь?

Не дожидаясь ответа (которого в любом случае не последовало бы), она с громким стуком захлопнула крышку, выбежала из конюшни и скрылась в ночной мгле.

— Оооо, какая очаловательная леди, мой длажайший муженек! — проворковала миссис Памблснук, проводив двоюродную бабушку Эдди восхищенным взглядом. Она смотрела на Безумную Тетю Мод так, будто это была сама королева Англии. — Какая глация, какие изысканные манелы!

— В самом деле, — согласился ее муж. Снова повернувшись к Эдди, он спросил: — Как я понимаю, ты родственник миссис Диккенс?

Эдди кивнул. Для тех читателей, которые забеспокоились по поводу того, что мы будем цацкаться с этими бродячими актерами до конца книги, у меня есть хорошая новость: не бойтесь, нам это не грозит.

Судьба распорядилась так, что неосторожно оброненная кем-то спичка послу-

жила причиной пожара: сначала загорелось сено, а потом и одежда некоторых актеров-статистов.

Если бы это случилось во время одного из так называемых «представлений», шоу все равно продолжалось бы, даже если бы пришлось заплатить за это множеством человеческих жизней.

Одно из правил, которыми люди этой профессии руководствуются в своей жизни, гласит: «Шоу должно продолжаться». К счастью, Эдди присутствовал не на шоу, а на репетиции, поэтому вместо того, чтобы позволить огню спалить все дотла, загоревшиеся актеры выбежали во двор «Придорожной гостиницы», где товарищи сбили пламя с их одежды, а затем окунули продолжавших дымиться коллег в корыта, из которых поили лошадей.

Между тем оставшаяся на конюшне супружеская пара не теряла времени даром: миссис Памблснук вплотную занялась своими прыщами, а ее муж стал практиковаться в закатывании глаз на манер того, как это делают знатные джентльмены: он готовился сыграть главную роль в спектакле «Яйцо вкрутую, или Завтрак аристократа».

Чета Памблснуков была так увлечена своими делами, что забыла о существовании Эдди.

Что ему оставалось делать? Мальчик со вздохом залез обратно в сундучок и захлопнул над собой крышку. Он так и пролежал там, свернувшись калачиком, до рассвета.

Снова в пути

Эпизод 4,

в котором Тетя Мод проявляет себя еще более безумной, чем обычно

Они продолжили путешествие в Беспросветный Тупик на следующее утро, которое выдалось необычайно ясным и теплым. Перед этим Безумный Дядя Джек и Еще Более Безумная Тетя Мод немного подкрепились; гостеприимный мистер Лоуф подал им на завтрак почки, приправленные пряностями, шесть яиц, сваренных вкрутую, окорок и несколько стаканов портвейна. Эдди позавтракал на крышке своего сундучка. Ему подали корку черствого хлеба и кусочек заплесневелого сыра.

Когда миссис Лоуф появилась на конюшне в первый раз с подносом в руках,

кусочек свежее испеченного хлеба был еще теплым, с пылу с жару, а кусочек сыра лишь слегка подернулся благородной плесенью. Но стоило миссис Лоуф осознать, что она по ошибке подает мальчику довольно свежие продукты, как она довольно вежливо извинилась (на языке людей, подобных мистеру Памблсону, эти выражения прозвучали бы так: «*достаточно* свежие продукты» и «она *достаточно* вежливо извинилась») и устремилась обратно на кухню.

Через пару минут миссис Лоуф вернулась с черствым хлебом и заплесневелым сыром на подносе и еще раз извинилась перед мальчиком.

— Простите меня великодушно, мистер Эдмунд, — сказала она. — Не знаю, чем я думала, видно, бес меня попутал. Сами посудите, не могла же я вам позволить распространять по всей округе слухи о том, как хорошо принимают постояльцев в нашей гостинице! В этом случае сюда валом повалил бы народ и у меня не осталось бы ни минуты покоя.

— Извините?... — переспросил Эдди. Он не был уверен, что правильно ее понял.

— Вот вам, например, понравилось бы, если бы чужие люди остановились на ночлег в вашем доме? Что бы вы сказали,

если бы у вас дома установился такой порядок: едва успевают уехать одни гости, как вслед за ними являются другие. Признайтесь честно: вам бы это понравилось?

— Но ведь гостиницы для того и предназначены... — начал было Эдди, но встретил яростный отпор со стороны миссис Лоуф.

— Вам легко говорить, мистер Эдмунд. Положа руку на сердце, меня несколько не удивляет, что ваше мнение полностью совпадает с мнением моего мужа, мистера Лоуфа. Ведь ему не приходится менять простыни, мыть посуду, стирать и гладить белье. Куда там! Все, что ему приходится делать, — это пить пиво у стойки бара и время от времени говорить постояльцам: «Ваше здоровье, господа хорошие». Вот и все, что ему приходится делать.

— Тогда почему вы работаете в...

— Так уж получилось. Но я не хочу, чтобы у вас создалось ложное впечатление о нашем гостеприимстве, — сказала она, раскладывая несвежие продукты на крышке его сундучка. — Ешьте, что дают. И скажите спасибо, что вас вообще не оставили без завтрака.

Эдди Диккенс заметил в тарелке трещину, в которую глубоко въелась грязь по

меньшей мере шестимесячной давности. Миссис Лоуф была истинным профессионалом: она умела испортить аппетит кому угодно!

— Спасибо, — пробормотал вконец растерявшийся Эдди.

Если бы это было возможно, Безумный Дядя Джек, несмотря на плотный завтрак, выглядел бы сегодня еще более худым, чем вчера. Он помог своей жене и неподвижному горностаю забраться в коляску, захлопнул дверцу за Эдди, а сам взгромоздился на козлы.

Мистер Лоуф вывел лошадь из парадного подъезда «Придорожной гостиницы» и впряг ее в экипаж.

— Спасибо вам, добрый человек, — сказал Безумный Дядя Джек и полез в карман своего пальто. Через какое-то время он извлек из него вяленого угря и кинул рыбину хозяину гостиницы.

— Нет, это вам спасибо, сэр, — отозвался мистер Лоуф, ловко поймав угря и подмигнув при этом Эдди Диккенсу, который наблюдал за происходящим из окна экипажа.

Эдди представил себе, как мистер Лоуф складывает угря в пакет вместе с той вя-

ленной рыбой, которой его двоюродный дедушка расплатился за стол и постель, запечатывает его, наклеивает марку и посылает бандероль его отцу.

— До свиданья, мистер Эдмунд! — расплылся в улыбке мистер Лоуф. — Желаю удачи!

— Скатертью дорога! — присоединилась к мужу миссис Лоуф, не скрывая своей радости.

Раздался щелчок кнута, затем послышалось громкое ржание, но его издал двоюродный дедушка Эдди, а не лошадь, которая была слишком сонной, чтобы разговаривать в такую рань. Тем не менее экипаж тронулся с места.

Мистер и миссис Лоуф бежали рядом с экипажем, размахивая руками и напутствуя Эдди прощальными восклицаниями.

— Черкните нам письмецо, мистер Эдмунд! — крикнул хозяин гостиницы.

— Только не отправляйте его! — уточнила его жена.

— Приезжайте к нам еще! — крикнул хозяин.

— Этого еще не хватало! — уточнила его жена.

— Если будете где-нибудь поблизости... — начал мистер Лоуф.

— ...то держитесь подальше от этого места, — закончила фразу его жена.

Напутствия в том же духе продолжались до тех пор, пока экипаж не набрал скорость и не оставил хозяина гостиницы и его супругу далеко позади.

Эдди вынужден был признать, что миссис Лоуф действительно сумела проявить редкую нелюбезность и недюжинное негостеприимство; эта женщина добилась своего: мальчик дал себе зарок больше никогда не останавливаться в «Придорожной гостинице».

— Какой час? — спросила Безумная Тетя Мод.

Задавая этот вопрос, она смотрела прямо на Эдди, поэтому он решил, что на этот раз она обращается к нему, а не к набивному чучелу горноста.

— Боюсь, у меня нет часов, — осторожно проговорил Эдди.

— Тогда возьми мои. — Его двоюродная бабушка порылась в лежавшей на соседнем сиденье лоскутной сумочке, достала из нее серебряные карманные часы на цепочке и протянула их Эдди. — Итак, какой час?

Эдди посмотрел на стрелки.

— На часах три минуты девятого, — сообщил он, возвращая часы.

Безумная Тетя Мод взяла часы и стала их внимательно изучать: она долго поворачивала их и так и сяк, ощупывала своими скрюченными пальцами, а напоследок даже понюхала и попробовала на зуб.

— Я не могу принять такой подарок, — сказала она наконец. — Это чистое серебро высшей пробы. — Приложив часы к правому уху, она прислушалась и добавила: — К тому же у них очень дорогостоящее тиканье. Нет, я самым решительным образом отказываюсь принять такой дорогой подарок, тем более от ребенка.

— Но ведь часы ваши, — попытался объяснить ей Эдди.

— Нет, я не могу их принять, — твердо стояла на своем Безумная Тетя Мод. — Не хочу и слышать об этом. Что сказала бы твоя бедная, расплывчатая по краям мать, если бы узнала, что ее сын пытается сбыть с рук такую драгоценную вещь? Я не удивлюсь, если окажется, что это семейная реликвия.

Эдди вздохнул и, чтобы прекратить бесполезные препирательства, опустил часы в свой карман.

— Воришка! — истоково завопила Безумная Тетя Мод. — Маленький воришка!

Она схватила за хвост неподвижного горностая Малькольма и стала размахивать им, как палкой. Горностай оказался твердым, как настоящая дубинка полицейского; это было грозное оружие в руках у Безумной Тети Мод.

— Сейчас же верни мне мою собственность! — потребовала она.

Эдди сглотнул слюну. Он засунул руку в карман, достал из него часы и протянул их своей двоюродной бабушке.

Безумная Тетя Мод расплылась в улыбке от уха до уха.

— Какой очаровательный подарок, — защелкала она. — Как это мило с твоей стороны, мой дружок.

Бережно уложив Малькольма на соседнее сиденье, она наклонилась, открыла окно экипажа и выбросила из него часы.

— Бесплезная безделушка, — брезгливо пробормотала она.

Снаружи раздался крик и шум какой-то возни. Экипаж резко затормозил и остановился, отчего Эдди слетел с сиденья и, к своему ужасу, приземлился у ног двоюродной бабушки, уткнувшись головой в ее колени.

Проямлив слова извинения, он поднялся на ноги, выглянул в окно — и увидел странника с густой бородой.

Бородатый странник одной рукой потирал голову, а в другой держал часы Безумной Тети Мод.

Безумный Дядя Джек соскочил с козел экипажа и направился к страннику.

— С какой стати вы так громко заорали? — сердито спросил он у бородатого странника. — Своим криком вы напугали мою лошадь.

— А с какой стати кто-то из вас запустил в меня метательным снарядом? — спросил в свою очередь бородатый странник, с трудом сдерживая ярость.

— Кто и чем в вас запустил? — не понял Дядя Джек.

— Один из членов вашей шайки выстрелил в меня ядром! — объявил бородатый странник. Когда выяснилось, что Дядя Джек все равно ничего не понял, странник предпринял еще одну попытку изложить суть дела. — Кто-то из вашей команды кинул в меня карманные часы.

— Интересное дело! — воскликнул Безумный Дядя Джек.

Не успел бородатый странник опомниться, как двоюродный дедушка Эдди выхватил часы у него из рук и стал пристально их рассматривать.

— Это часы моей любимой жены Мод, — заключил он. — Я подарил их жене

на день рождения, когда ей исполнился двадцать один год. Если не верите, прочтите, что здесь написано.

С этими словами он сунул часы под подбородок бородатому страннику. Когда тому удалось выпутать серебряную цепочку из своей бороды, он прочел на часах надпись:

Дорогой Мад
по случаю 2-го Дня рождения
Джек

Бородатый странник нахмурился.

— Разве вы не сказали, что подарили эти часы своей жене по случаю двадцать первого дня ее рождения? — спросил он после довольно продолжительного раздумья.

— Ну и что с того? — отозвался Безумный Дядя Джек, засунув руки в карманы и сжав в каждом из кулаков по вяленой рыбе.

— А то, что в надписи говорится о втором, а не о двадцать первом дне рождения, — гнул свое бородатый странник.

Дядя Джек ухмыльнулся ему в лицо, давая тем самым понять, что считает бородатого странника круглым идиотом.

— Было дешевле выгравировать «2-го», чем «21-го», — пояснил он. — Ведь при

гравировке приходится платить за каждую букву.

— Но «1» в числе «21» — это *цифра*, а не *буква*, — заметил бородатый странник.

— Значит, я переплатил! — расстроился Безумный Дядя Джек. — Спасибо, что обратили на это мое внимание, сэр. После того как мы устроим моего племянника в Беспросветном Тупике, я съезжу в магазин, где пятьдесят пять лет тому назад купил эти часы и выгравировал на них надпись для моей дорогой Мод. И решительно потребую, чтобы они вернули мне полпенни!

— Да, все это прекрасно, но вы так и не объяснили мне, по какой причине я стал мишенью для обстрела часами! — не унимался бородатый странник.

Безумный Дядя Джек просунул свою узкую голову в открытое окно экипажа, едва не выколов Эдди глаз своим попугае-клювым носом.

— Мод, дорогая, — обратился он к жене.

— Да, мой цветик-семицветик, — отозвалась она.

— Это ты бросила свои часы в этого джентльмена?

— Джентльмена? Ты называешь этого субъекта джентльменом?! — рассвирепе-

ла вдруг она. — Это не джентльмен, а борода на толстых ножках.

— Я спрашиваю: ты бросила в него часы?

— Я в него не целилась, — заявила Мод. — Просто он попался у них на пути.

— Это меняет дело, — заключил Безумный Дядя Джек, удовлетворенный тем, что ему удалось докопаться до истины. Повернувшись к бородатому страннику, он заявил: — Моя жена ничего в вас не бросала. Просто она кинула предмет, а ваша голова оказалась у него на пути. — Безумный Дядя Джек решил, что инцидент исчерпан, и направился к козлам экипажа.

Однако бородатый странник положил руку на плечо Дяди Джека и произнес зловещим тоном:

— Мне придется вас немного задержать, сэр. Мы находимся в общественном месте, и я имею право ходить по этой дороге, сколько моей душе будет угодно. И зарубите себе на носу: я никому не позволю безнаказанно покушаться на это мое священное право.

Безумный Дядя Джек высвободился из-под руки странника и взгромоздился на козлы экипажа.

— Ваша голова оказалась на пути у часов, сэр, только и всего, — резюмировал он. Ему так понравилась эта фраза, что он повторил ее еще раз: — Ваша голова оказалась на пути у часов, сэр, только и всего.

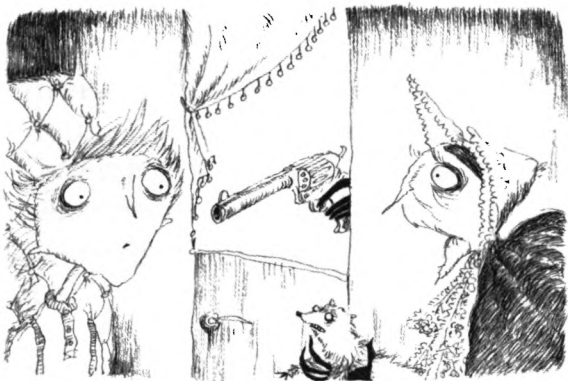
— В таком случае и вы не обижайтесь, если голова этого мальчика окажется на пути у моей пули, — прорычал бородастый странник.

Он распахнул камзол и выхватил из-за пояса револьвер. Просунув руку в окно экипажа, он наставил дуло на Эдди и прицелился ему в голову — ровнехонько промеж глаз.

Необходимые сведения об огнестрельном оружии

Эпизод 5,

*в котором выясняется, что бородатый
странник таковым не является*

Дело в том, что я не знаю, наставляли ли на вас когда-нибудь дуло револьвера, но даже если этого и не случилось, вы, возможно, знаете, как он выглядит.

Прежде всего следует сказать, что это вид оружия. Вы нажимаете на спусковой крючок, и если кто-то позаботился о том, чтобы зарядить револьвер, одна из пуль со свистом вылетит из конца ствола и постарается как можно глубже вонзиться в цель.

Если целью послужила специально предназначенная для этого мишень, тогда вслед за выстрелом послышится

характерное «бах!», за которым последует не менее характерное «трах», после чего все устремится к мишени, чтобы посмотреть, куда угодила пуля — в «яблочко» или в «молоко».

Если мишенью послужил живой человек, те же «бахи» и «трахи» сопровождаются в этом случае криком «Аааааа!», а затем слышится глухой стук, с которым человек падает на землю, в то время как на его рубашке расплывается пятно цвета томатного соуса для спагетти. Это выглядит не очень красиво и даже неприятно — особенно на взгляд работников прачечных, специализирующихся на стирке рубашек. Для тех, кто еще об этом не догадался, сообщаю, что оружие — это не самое безопасное из человеческих изобретений.

Любопытно отметить, откуда взялось слово «револьвер». У этого вида оружия имеется вращающийся барабан с гнездами для пуль. Французское слово «револьвё» означает «вращать». Вращение применяется для того, чтобы после выстрела повернувшийся барабан дослал к стволу следующую пулю, давая возможность незамедлительно произвести следующий выстрел. Это свойство револьвера окажется очень полезным, если вы надумаете

те ограбить банк или что-нибудь в этом роде. Если у вас нет опыта в ограблении банков, могу вам кое-что подсказать. Люди, знающие в этом деле толк, считают целесообразным чиркнуть несколькими пулями по потолку помещения, чтобы заставить присутствующих распластаться на полу и преисполниться желанием помочь грабителям. Это просто удивительно, насколько услужливыми и дружелюбными становятся после этого даже такие сухие и с виду неприсутственные люди, как банковские служащие: когда у них в волосах застревает известка с потолка, они угодливо распахивают перед грабителями сейфы.

К счастью, револьверы применяются и для других, более достойных целей: их носят шерифы, военные и охранники. Эти люди ловят грабителей банков и изолируют их от общества на длительные сроки. Ну и правильно: нечего было портить потолки, которые не сделали им ничего дурного.

Во времена Эдди Диккенса револьверы были одним из новейших изобретений. До того, как они появились, самым распространенным оружием были кремневые ружья с затвором. В их комплект не входили даже нормальные пули. Вы

набивали ствол порохом, запихивали туда какую-нибудь штуковину под названием «выстрел» и нажимали на спусковой крючок в надежде на удачу.

Один из недостатков кремневых ружей состоял в том, что приходилось передергивать затвор перед каждым выстрелом. Это давало возможность тому недоумку, в которого вы целились, подойти к вам поближе и садануть по голове палкой или другим подвернувшимся под руку предметом. Не меньшая проблема заключалась в том, что затворы этих ружей были очень ненадежными.

Если вы нарываетесь на очень ненадежного человека, это еще не конец света. Я имею в виду людей, которые обещают подойти к кинотеатру в три часа дня, а являются в половине четвертого, когда фильм уже начался. Это неприятно, но не смертельно. А вот если ненадежным оказывается затвор, любой ваш выстрел может стать последним в вашей жизни.

Дело в том, что в этом случае после нажатия курка происходит не выстрел во врага-недоумка, а небольшой взрыв. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если вам повезет, дело кончится тем, что друзья будут дарить вам к Рождеству

одну перчатку вместо пары. А если не повезет, то вам уже не придется беспокоиться о таких мелочах, как перчатка. Вам не понадобится даже шляпа. Потому что вам не на что будет ее надеть.

Думаю, нетрудно понять, почему любители оружия восприняли револьвер как гениальное изобретение: прицелившись в человека из револьвера, вы не оставляете ему шанса садануть вас палкой по голове. Надеюсь, я сумел объяснить, по какой причине Эдди Диккенс так сильно разволновался, сидя в экипаже под дулом револьвера, нацеленного ему в голову.

— Я думаю, вы должны передо мной извиниться, сэр, — сказал бородатый странник. — Простого «мне очень жаль, сэр» будет вполне достаточно. Или вы считаете, что я требую невозможного?

— М-м-мне оч-чень жаль, сэр, — пролепетал Эдди.

Вы ошиблись, если сочли эту фразу обыкновенной данью вежливости. Ему действительно было очень жаль: мальчик сожалел, что ему довелось встретиться на жизненном пути с Безумным Дядей Джеком, Еще Более Безумной Тетей Мод и ее неподвижным горностаем Малькольмом. Да и то сказать: разве нормальный человек назовет свой дом Беспросветным Тупиком? Теперь Эдди казалось странным, что он не сразу понял, с кем имеет дело. Ведь поначалу его нисколько не насторожило это название.

— Оч-чень жаль, сэр, — снова выдавил из себя Эдди.

— Это не ты должен просить у меня прощения, малец, — пояснил бородатый странник. — Я жду извинений от джентльмена, который меня оскорбил.

Эдди так и подмывало спросить у бородатого странника, почему в таком случае револьвер направлен на него, а не на

Дядю Джека, но он счел за лучшее попридержать язык.

— Убери эту штуковину, толстая бестолочь! — зарычала на странника Безумная Тетя Мод, с неожиданной быстротой выскочившая из экипажа.

Она ухватила обидчивого странника за бороду, отчего тот резко отшатнулся назад. Ко всеобщему изумлению, его борода осталась в руке у тетушки. Только неподвижный Малькольм проявил безучастность, чему, по-видимому, не следует особенно удивляться.

Бородатый странник, на поверку оказавшийся безбородым обманщиком, попытался выхватить бороду из тетушкиной руки, но при этом его револьвер был нацелен уже не на Эдди, а на проплывавшее по небу облако.

Безумная Тетя Мод, которая проявила себя вовсе не такой уж и сумасшедшей в обращении с человеком, выдававшим себя за разбойника с большой дороги, схватила Малькольма за хвост и стала колотить странника по ногам головой горноста.

Когда нос животного вступил в контакт с коленкой странника, раздался характерный щелчок, за которым последо-

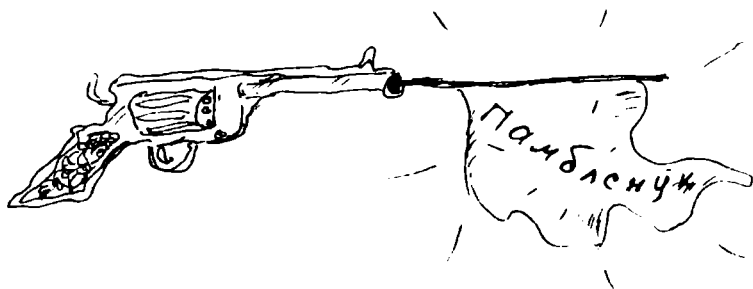

вал истощный вой, такой громкий, что Эдди будет помнить его до того дня, когда ему исполнится шестнадцать лет. (Я вижу, вам не терпится узнать, почему он забыл об этом вое именно в день своего рождения, через пять лет после описываемых событий? Могу лишь намекнуть, что дело не обошлось без гипнотизерши по имени Большая Грета, но это уже другая история.) Безбородый бородатый странник повалился навзничь, роняя на землю револьвер и фальшивую бороду.

Когда револьвер ударился о твердый грунт, его курок самопроизвольно спус-

тился — и из конца ствола выдвинулось древко с флажком, на котором было написано какое-то слово.

Если вам пришло в голову, что это было слово «бах» или «трах-тарарах», то вы ошиблись, поскольку на самом деле на флажке красовалась фамилия ПАМБЛСНУК; можете себе представить, какими маленькими буквами пришлось написать это слово, чтобы оно поместилось на небольшом флажке, который в свою очередь должен был поместиться в узком стволе револьвера. Но эти буквы оказались все же достаточно большими, чтобы Эдди смог прочитать слово с того места, где он находился.

Выходит, человек с фальшивой бородой угрожал им фальшивым револьвером! Теперь, когда борода не заслоняла половины лица ее владельца, ползавшего по земле на коленях, Эдди узнал странника, который оказался вовсе и не

странником. Это был не кто иной, как мистер Памблснук собственной персоной, актер-импресарио труппы странствующих актеров.

Эдди тут же убедился, что его двоюродные бабушка и дедушка тоже узнали мистера Памблснука, но они повели себя настолько странно, что сильно удивили Эдди — в миллионный раз с той минуты, как он отправился с ними в это безумное путешествие.

— О мистер Памблснук, вы поистине величайший из смертных, — пропела Безумная Тетя Мод, помогая извалявшемуся в пыли актеру-импресарио подняться на ноги. Она дернула его за плечи с такой силой, что он едва не врезался головой в бок экипажа.

Между тем Дядя Джек нагнулся и поднял с земли фальшивый револьвер.

— Ну и ловко же вы меня разыграли, сэр, — одобрительно хмыкнул он. — Признаться, я уже стал подумывать о том, как мы поделим между собой пожитки Эдди, когда вы его застрелите. — Дядя Джек подал актеру-импресарио фальшивую бороду, из которой торчало шестнадцать хвойных иголок и несколько осколков скорлупы совиного яйца. — Куда путь

держите, мистер Памблснук? Почту за честь подвезти вас, если позволите.

Эдди впал в ярость. Он весь пылал от гнева. По-видимому, он был единственным, кому не пришлось по вкусу розыгрыш, но я не нахожу в этом ничего удивительного: ведь дуло револьвера было наставлено именно на него. То, что револьвер оказался предметом театрального реквизита, дела не меняло: страх, который испытал Эдди, был настоящим.

— Что все это значит? — не смог скрыть своего возмущения Эдди. — С какой стати замаскированный под разбойника мистер Памблснук разгуливает по большой дороге, пугая беззащитных маленьких детей вроде меня?

— Ты сказал «замаскированный», мой мальчик? — отозвался мистер Памблснук, драматически приподнимая одну бровь (вы сомневаетесь в том, что брови могут выглядеть драматически, потому что не видели мистера Памблснука). — Маскируются преступники, дитя мое. Маскируются шпионы. А это не маскировка, дорогой мой Эдмунд. Это *костюм*. Просто я вошел в образ.

— Но вы же не на сцене, — возразил Эдди и поспешно добавил к произнесенной фразе слово «сэр».

Здесь мне придется прервать ход повествования и сделать кое-какие разъяснения. Дело в том, что актеры очень любят цитировать драматурга по фамилии Шекспир. Они делают это не только на сцене, во время спектакля по пьесе Шекспира (что представляется мне вполне естественным), но и в обыденной жизни, при каждом подходящем и неподходящем случае. Одно особенно часто цитируемое актерами высказывание Шекспира звучит так: «Весь мир — театр, и люди в нем актеры». Возможно, вам покажется, что бывают стихи и получше. Но, скорее всего, вы подумаете, что и сами могли бы сочинить подобное высказывание. Вся беда в том, что Шекспир сочинил его раньше, и с этим уже ничего не поделаешь.

Кто помнит фамилию человека, который ступил на Луну вторым? Никто не скажет вам, кто занял второе место на географической викторине в прошлую среду. Никто не помнит даже, проводилась ли эта викторина вообще. Так что нам придется смириться с мыслью, что человек по фамилии Шекспир нас опередил, а поскольку эти слова относятся к актерам, нет ничего удивительного

в том, что именно актеры обожают их цитировать.

Теперь вы готовы к тому, чтобы, вернувшись к высказыванию Эдди, представить себе, как обрадовался мистер Памблснук, когда его услышал.

Для тех, кто слишком ленив, чтобы вернуться на предыдущую страницу, повторю, что сказал Эдди. Он сказал:

— Но вы же не на сцене... сэр.

Можете не сомневаться, что в глазах мистера Памблснука загорелся огонек. Реплика Эдди предоставила ему прекрасную возможность ответить со всем блеском, на какой он был способен.

— Чтобы рассеять твое недоумение, приведу слова нашего бессмертного барда: «Весь мир — театр, и люди в нем актеры», — продекламировал мистер Памблснук. — Вот так-то, мой мальчик.

Должен признать, что эта реплика произвела на Эдди сильное впечатление. Он не имел ни малейшего понятия, о каком «бессмертном барде» шла речь (откуда ему было знать, что среди бродячих актеров именно так принято называть мистера Шекспира?), но смысл произнесенных слов порастил его и на некоторое время лишил дара речи.

— Для хорошего актера самое главное — это войти в образ, — сел на своего конька мистер Памблснук. — Важно проникнуть в смысл роли задолго до того, как она будет сыграна на сцене. Например, когда я готовился сыграть роль лосося в пьесе «Ловись, рыбка большая и маленькая», мне пришлось целый месяц провести в ванной, и все это время я не ел ничего, кроме ручейника и муравьиных яиц.

С этими словами актер-импресарио залез в экипаж и сел рядом с Безумной Тетей Мод, которая уже успела вернуться на свое прежнее место. Нисколько не изменившийся Малькольм лежал у нее на коленях.

— Я помню то золотое время, когда вы готовились исполнить роль похитителя в пьесе «Свяжи меня по рукам и ногам», — проворковала Безумная Тетя Мод, в голосе которой прозвучало искреннее восхищение. — Та уловка, при помощи которой вы заманили французского дипломата к себе в подвал, была отмечена печатью гения! Помнится, вы продержали его взаперти целую неделю. Какой позор, что полицейские не оценили вашего таланта и арестовали вас за день до премьеры.

— Это была большая потеря для театра, — согласился актер-импресарио и скорбно покачал головой.

Эдди сел на свое прежнее место и закрыл за собой дверцу экипажа. В его груди клокотала обида. Но мальчику приходилось сдерживать себя: мистер Памблснук был, по-видимому, хорошим знакомым его двоюродных дедушки и бабушки, из чего с неизбежностью следовало, что он такой же сумасшедший, как и они.

Приют святого Вурдалака

Эпизод 6, *в котором гуси спасают Рим*

Любая история рассказывается с определенной точки зрения. Рассказчик (которым в данном случае являюсь я) ведет повествование тем или иным способом и старается придерживаться тактики, избранной с самого начала.

Если не считать небольшого отступления в ванную мистера и миссис Диккенсов, эта история рассказывается с точки зрения бедняги Эдди. Куда он, туда и мы. Когда он садится в экипаж, мы следуем за ним. Когда он ночует на конюшне «Придорожной гостиницы», мы тоже проводим там всю ночь. Когда он смотрит в

дуло поддельного револьвера, мы не убегаем, а остаемся с ним.

Но у нас нет повода гордиться своим самообладанием. Если бы револьвер был настоящим, да еще заряженным настоящей пулей, застрелен был бы Эдди, а не мы. Это он истек бы кровью, в то время как мы не подвергались бы никакой опасности. Не скрою, мне очень хотелось бы сочинить книгу, в которой пуля попадает в читателя, когда он доходит до 67-й страницы. Но когда я представляю себе, какой ропот возмущения прокатится по книжным магазинам и публичным библиотекам, у меня опускаются руки.

Суть дела состоит в том, что на протяжении всего повествования я пока еще ни разу не использовал словосочетание «тем временем» для того, чтобы переключить внимание с Эдди на какого-нибудь другого персонажа, находящегося вдалеке от него.

Теперь настала пора это сделать. И тут нет ничего плохого. Существует множество изумительных историй, рассказывая которые автор употребляет оборот «тем временем» — и переключает действие с точки зрения одного персонажа на точку зрения другого персонажа. Но вот чего хороший рассказчик не делает

никогда: он не перескакивает с одной точки зрения на другую неожиданно, с бухты-барахты. Короче говоря, я вас предупредил.

Итак.

Тем временем родителей Эдди охватила паника. У них было для этого серьезное основание в виде охватившего их дом пожара.

Ничто не может так испортить вечер, как языки пламени, вырывающиеся из окон верхнего этажа вашего дома и лижущие деревянные стропила его крыши. Возгорание стало прямым результатом последнего нововведения в Курсе лечения доктора Маффина — вода в грелках должна быть горячее.

Вы помните, что чете Диккенсов позволялось вставать с постели не более трех раз в день. Им было предписано сосать специальные ледяные кубики и сидеть на кровати в окружении множества грелок. Когда стало ясно, что лечение не дает должного эффекта, доктор рассудил, что вода в грелках просто недостаточно горяча.

И он решил эту задачу, разработав специальную систему подогрева воды. Новая система позволяла больным подогревать воду в грелках, не вставая с постели.

Супруги Диккенсы были первыми, на ком доктор Маффин испытал свое изобретение. В конечном итоге оказалось, что они же стали и последними, поскольку доктор пришел к выводу (совершенно правильному), что домашний врач не должен устраивать пожар в доме своих пациентов: ведь если ничего не останется от дома, то кому будет нужен домашний врач?

(Замечу в скобках, что в те благословенные времена женщин-врачей не существовало. Женщинам просто не разрешалось заниматься врачебной практикой. Причиной этого запрета было твердое убеждение всех представителей Ассоциации Медицинских Экспертов с Большими Бородами, будто при использовании стетоскопа длинные женские волосы могут помешать врачу должным образом прослушать биение сердца своего пациента. Уже тогда была очевидна вся смехотворность этого аргумента, но члены Ассоциации Медицинских Экспертов с Большими Бородами действительно обладали очень внушительными бородами, поэтому никто не рисковал вступать с ними в спор.)

Как бы то ни было, нам пора вернуться к доктору Маффину и его системе подо-

грева воды в грелках. В доме самого доктора имелся сделанный на заказ обеденный стол с прикрепленным к нему металлическим подносом, на котором горячие блюда не остывали. Под подносом размещались три горелки на жидком парафине с регулируемыми фитилями, с их помощью можно было прибавлять и убавлять пламя. Во время очередного визита к Диккенсам доктор Маффин принес эти горелки к ним домой, с тем чтобы поставить их под двуспальную кровать своих пациентов.

Идея доктора состояла в том, что пламя плавно разогреет матрас, который в свою очередь плавно разогреет воду в грелках, которая в свою очередь плавно разогреет родителей Эдди. Такова была идея в общем виде. Разумеется, стоило доктору произвести «предварительное испытание» системы на кровати Эдди (пустовавшей по той причине, что мальчик находился в это время на пути к Беспросветному Тупику), как матрас тут же загорелся.

К счастью для доктора, в его распоряжении оказалась грелка с водой; поэтому ему не составило большого труда вытащить из нее пробку, вылить содержи-

мое грелки на матрас и тем самым «ликвидировать возгорание» (это словосочетание позволяет при помощи двадцати трех букв выразить тот же смысл, который выражается словосочетанием «потушить пожар» при помощи тринадцати букв).

Родители Эдди почувствовали, что в доме что-то горит, но не могли это проверить, так как уже трижды вставали в этот день с постели: в первый раз для того, чтобы сразиться в расшибалочку с Теккереями, жившими в Амбаре, во второй раз, чтобы сходить на рыбалку с семьей Троллопов, которые арендовали плавучий домик на близлежащем озере, а в третий раз для того, чтобы кинуть ботинок в надоедливую старого кота, который беспрестанно мяукал, сидя во дворе на куче компоста. Таким образом они израсходовали весь лимит увольнительных и вынуждены были оставаться в постели. Доктор Маффин очень рассердился бы на них, если бы они позволили себе встать с кровати в четвертый раз; в этом случае он мог бы отказаться принимать от них плату за лечение, что, по их представлениям, было равносильно катастрофе.

— Усе у палатке? — спросила миссис Диккенс.

В эту минуту у нее во рту не было ни лука, ни кубика льда в форме знаменитого генерала. Причина, по которой она произнесла фразу «Все в порядке» таким странным образом, заключалась в том, что на этот раз у нее во рту находилось ухо мистера Диккенса.

Если среди читателей есть чувствительные натуры, способные впасть в истерику при виде царапины на пальце или прихрамывающего муравья, то я спешу их успокоить: им будет приятно узнать, что ухо мистера Диккенса благополучно пребывало там, где ему положено — на голове сбоку.

Дело в том, что миссис Диккенс крепко спала, когда находившиеся в супружеской спальне гуси учуяли дым, распространявшийся из комнаты Эдди, и разразились громким гоготом. Гуси часто использовались в те времена в качестве сигнальной противопожарной системы.

Если вы считаете, что это утверждение звучит немного дико, подойдите к своему учителю в школе (или к какому-нибудь другому всезнайке) и задайте ему следующие два вопроса:

1. Действительно ли стая гусей подняла тревогу в 387 году до новой эры и тем самым предупредила жителей Древнего Рима о том, что галлы готовят нападение на Капитолийский холм?

2. Действительно ли шахтеры спускали в прорубленные шурфы канареек, чтобы проверить, нет ли там вредных газов?

Правильный ответ на оба эти вопроса: «Да!!!»; вот почему в том, что чета Диккенсов держала у себя в спальне выводок гусей для оповещения о пожаре, нет ничего из ряда вон выходящего. Это были обычные для того времени сторожевые гуси. И сейчас на электронных сигнальных дымоуловителях изображают птиц, хотя это не гуси, а куры. Ну и что из этого?

Итак, на чем я остановился? Ах да: дым от загоревшегося матраса Эдди заставил гусей закричать, и этот шум разбудил миссис Диккенс. Ей снилось, будто она ест сушеный чернослив; проснувшись, она обнаружила, что в реальности роль этого сухофрукта выполняло ухо ее мужа. Она спросила у доктора Маффина, все ли в порядке, и тот лживо заверил супругов, что им не о чем беспокоиться.

После первой неудачи доктор усовершенствовал свою систему. Он задал себе вопрос: отчего у него дома не случается возгораний при подогреве пищи? Оттого, ответил он сам себе, что пламя горелок касается только металлического подноса, который в свою очередь разогревает тарелки, которые в свою очередь передают тепло пище.

Поэтому он поступил следующим образом: приказал Диккенсам встать с кровати, посадил их на один из стульев тридцати одного вида, сконструированных таким образом, что сидеть на них можно было только прямо, даже если приковать седоку руки к коленкам при помощи наручников. (Если быть уж совсем точным, то до того дня, когда Эдди выехал из дома, там имелись стулья тридцати двух видов, но один из них был мгновенно съеден личинкой жука-древоточца. Можно себе представить, как проголодалась эта личинка: ведь Эдди отсутствовал всего один день.)

Когда Диккенсы уселись вдвоем на одном стуле, доктор Маффин откинул их матрас и положил на пружины кровати несколько металлических подносов и столовых тарелок, найденных на кухне у Диккенсов. Затем он положил матрас на

место, отчего посуда зазвенела. После этого доктор поставил горелки на жидком парафине под кровать, выпустил фитили на всю катушку, зажег их и приказал своим пожелтевшим и ставшим расплывчатыми по краям пациентам вернуться в постель.

— Теперь вам будет тепло, и дело быстро пойдет на поправку, — громогласно заявил доктор Маффин. — Вы должны оставаться в постели до утра, — добавил он. — Ни в коем случае не вставайте с кровати, разве что в ванную. Желаю вам скорейшего выздоровления.

С этими словами он вышел из спальни, гордо прошествовал мимо комнаты Эдди, где все еще дымился обгорелый матрас, спустился по лестнице и покинул дом Диккенсов. Не прошло и десяти минут после его ухода, как матрас Диккенсов загорелся.

— М-может быть, так и надо? — высказала предположение миссис Диккенс, но дрожь в голосе выдала ее тревогу.

— Не думаю, — сказал мистер Диккенс, у которого только что загорелась левая штанина пижамных брюк.

— Что же нам делать? — спросила миссис Диккенс, у которой занялся помпон-

чик на чепце, отчего она стала похожа на золотистую игрушку на рождественской елке.

— Что делать? Ничего, — ответил мистер Диккенс. — Доктор сказал, что мы ни при каких обстоятельствах не должны вставать с кровати. — Отец Эдди был воспитан в уважении к Предписаниям докторов.

— Ни при каких обстоятельствах, разве что в ванную, — напомнила мужу миссис Диккенс.

— Тогда пойдем в ванную! — предложил мистер Диккенс.

— Отличная идея! — обрадовалась его жена, и они соскочили с кровати за секунду до того, как все их постельное белье, скроенное из бумажных пакетов, вспыхнуло ярким оранжевым пламенем.

К тому времени, когда родители Эдди добрались до ванной (они полагали, что обязаны сходить туда, чтобы не нарушить Предписаний доктора), она тоже была охвачена пламенем. Итак, в огне пылала их спальня, спальня Эдди, лестница и крыша — словом, почти весь верхний этаж.

— О боже! — выдохнула миссис Диккенс. — Что же нам делать?

Они решили впасть в панику, и это было самое лучшее, что они могли сделать в данных обстоятельствах, поскольку большого выбора у них не было.

Тем временем один из сторожевых гусей Диккенсов (если быть уж совсем точным, это была гусыня) вылетел из окна и закричал во все горло:

— Га-га-га!

Поскольку я снова употребил выражение «тем временем» (если помните, мы рассуждали о нем в начале эпизода), пора вспомнить об Эдди.

Итак.

Тем временем Эдди сидел на краю металлической кровати в темном подвале похожего на тюрьму здания, носившего название Приют для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака.

И тут ему пришли на память слова мудрой старой матери, сказанные при расставании, перед тем как Эдди отправился в это злосчастное путешествие с Безумным Дядей Джеком: «Будь осторожен. Ты должен приложить все усилия для того, чтобы тебя не приняли за беглого сироту и не отправили в приют, где дети подвергаются жестокому обращению и терпят нужду и горе».

Как в воду глядела...

Я понимаю: читатель раздражен тем, что ему не сообщили, как Эдди там оказался. Мы так увлеклись этим пресловутым «тем временем», которое привело нас в родительский дом мальчика, что упустили из виду основное действие. Возможно, мы так никогда и не узнаем, как он очутился в этом забытом богом месте. Но не исключено, что это выяснится уже в следующем эпизоде.

Тем временем нам придется оставить несчастного Эдди в одиночестве в жутком подземелье и вернуться к его роди-

телям, покинутым нами на верхнем этаже объятых пламенем дома.

Ведь жизнь не каждый день преподносит нам такие неприятные сюрпризы, как пожар.

Освобождение!

Эпизод 7,

*в котором мы наконец возвращаемся
к несчастному старине Эдди*

— **О** Боже, мистер Диккенс! — воскликнула миссис Диккенс. — Что же нам делать?

— Что делать? — переспросил ее муж. — Конечно, гореть огнем. Что еще нам остается делать?

— Ты думаешь, такое развитие событий входило в намерения доктора Маффина? — спросила миссис Диккенс, сбивая язычки пламени с подола своей ночной рубашки.

— Что ж, если мы сгорим дотла, это, безусловно, излечит нас от всех болезней, — рассудил отец Эдди.

Человек, который подслушивал бы сейчас их разговор, ни за что не поверил бы, что это те же самые люди, которые совсем недавно решили впасть в панику.

К тому же человек, который подслушивал бы сейчас их разговор, спекся бы от жары. Причина, по которой родители Эдди так внезапно успокоились, состояла в том, что они находились в ванной, где имелся шкафчик, в котором стоял пузырек с запатентованными доктором Маффином противопаническими пилюлями «Антипан». И супруги Диккенсы проглотили по пригоршне этих пилюль.

Причина же, по которой человек, взявшийся их подслушивать, спекся бы от жары, состояла в том, что ванная представляла собой нечто вроде пылающего костра.

Тем временем выбравшаяся на волю сторожевая гусыня Диккенсов подлетела к ближайшему дому — то есть к принадлежавшему чете Теккереев Амбару — и сказала тамошней сторожевой гусыне, что произошло с домом Диккенсов.

Далее следует приблизительный перевод разговора между двумя птицами на человеческий язык.

Гусыня Теккереев: От тебя пахнет дымом, Миртл.

Гусыня Диккенсов: Это неудивительно, Агнес: ведь в доме Диккенсов случился пожар.

Гусыня Теккереев: О боже!

Гусыня Диккенсов: Да. Такие, подруга, дела.

К несчастью, то, что слышала дочь Теккереев, сидевшая в это время рядом с гусынями, свелось к следующему:

Гусыня Теккереев: Га-га-га-га. Га.

Гусыня Диккенсов: Га-га-га-га. Га-га. Га. Га-га-га-га-га.

Гусыня Теккереев: Га-га.

Гусыня Диккенсов: Га. Га-га-га-га.

Но даже если бы дочь Теккереев поняла каждое слово из разговора двух приятельниц-гусынь, от этого было бы очень мало проку для бедных старых Диккенсов, застрявших в горящем доме. Шарлотте Теккерей было меньше года; и хотя она прекрасно различала такие звуки, как «га» и «гу», и никогда не путала «ка-ка» с «пи-пи», ее заботливые родители все равно не поняли бы ни слова из того, что она бы им сказала.

Однако не все было так безнадежно. К счастью для родителей Эдди, помощь оказалась у них под рукой. Те читатели,

которые еще помнят, о чем говорилось в первом эпизоде этой книжки, не откроют для себя ничего нового, если я скажу, что в шкафу под лестницей дома Диккенсов проживала Бормотунья Джейн.

Бормотунья Джейн училась на горничную, но провалилась на экзамене по итогам семинедельных выездных курсов по застиланию постели и с тех пор жила в темноте, сгорая со стыда. Она

никогда не выходила из своего добровольного заточения. Пища в виде тонко нарезанных ломтиков (преимущественно ветчины) передавалась ей через узкую щель под дверцей шкафа. Если вы хотите узнать, каким образом она умывалась и ходила в туалет — если вы *действительно* хотите это узнать, — то я готов нарисовать специально для вас очень подробную и довольно сложную схему, по которой производились эти процедуры, но учтите, что этот чертеж влетит вам в копеечку. С какой стати я буду высылать его бесплатно?

Кроме родителей Эдди и Бормотуньи Джейн, в доме находилась еще одна живая душа — конечно, вы догадались, что речь идет о Доукинсе, скромном джентльмене, слуге мистера Диккенса, проживавшем на кухне, в корзине с оберточной бумагой. О нем уже упоминалось в этой книжке, но, к сожалению, я не запомнил, на какой странице он появляется в ней впервые. Помню только, что Диккенсы очень часто не могли вспомнить его имени и поэтому называли его в таких случаях Дафной.

Одна из обязанностей Доукинса состояла в том, чтобы кормить Бормотунью Джейн. Он как раз шел по коридору, направляясь к шкафу под лестницей, когда заметил, что весь верхний этаж дома охвачен огнем.

Ни на секунду не задумавшись о собственной безопасности, Доукинс сделал то, что должен был сделать как образцовый слуга. Он бросился на кухню и вытащил оберточную бумагу из корзины.

Держа бумагу у себя над головой обеими руками, он стремительно выбежал из дома, сложил бумагу возле большого дерева и прижал ее к земле половинкой кирпича. Испытывая чувство удовлетворения от исполненного долга, он решил,

что настала пора посмотреть, не требуется ли помощь Бормотунье Джейн и его хозяевам, мистеру и миссис Диккенсам, и вернулся в дом.

— Спасите! — крикнула сверху миссис Диккенс.

— Помогите! — присоединил к ее просьбе свой голос мистер Диккенс.

— Это вы мне? — прокричал Доукинс, откинув назад голову.

— Агенты прожарились, Доукинс? — спросила миссис Диккенс, которая только что засунула в рот еще одну пригоршню запатентованных доктором Маффином пилюль «Антипан».

Доукинс, привыкший к тому, что хозяйка частенько разговаривала с набитым ртом, немедленно перевел ее высказывание на общеупотребительный язык. У него получилась следующая фраза: «А с кем ты разговариваешь, Доукинс?»

— С вами обоими, с хозяйкой и с хозяином! — крикнул Доукинс, еще сильнее откидывая назад голову.

И тут он закашлялся, потому что сверху с новой силой повалил густой дым.

— Видишь ли, мы зовем на помощь кого угодно, всех, кто может нас услышать, включая и тебя, Дафна! — прокричал мистер Диккенс. — Если ты не поможешь

нам в самое ближайшее время, мы с женой сгорим дотла и не доживем даже до конца седьмого эпизода.

— До конца чего, сэр? — спросил скромный джентльмен, который не имел ни малейшего понятия о том, что является персонажем повествования.

— Это не важно, Доукинс! — крикнула мама Эдди Диккенса (которая, как вы догадались, уже проглотила свои пилюли). — Спаси нас, пожалуйста!

Доукинс подумал про себя: «Это была бы прекрасная идея, если бы я знал, как это сделать». Но тут он услышал какое-то бормотание на уровне своих коленей и увидел возле шкафа Бормотунью Джейн. Не подумайте, что она была так мала, что доставала Доукинсу только до колен. Дело в другом: эта девушка была самым смышленным человеком из тех, кого мы встретили на страницах данной книги (не считая Эдди, конечно). Она знала, что горячий воздух (включая дым) поднимается вверх, поэтому самое лучшее, что вы можете сделать при пожаре, если не хотите задохнуться от дыма, — это лечь на пол и прикрыть лицо влажной тряпкой.

Бормотунья Джейн лежала на полу и за неимением тряпки прикрывала лицо вязаной лестницей.

Все годы, которые Джейн провела в шкафу под лестницей Диккенсов, она вязала, посвящая этому занятию не менее одиннадцати часов тридцати шести минут в день. Поначалу она вязала самые обычные вещи: шарфы, носки, шапочки, чехлы, накидки для чайника и тому подобное, но со временем стала более изобретательной и принялась вязать экзотические изделия — от каминов до лестниц.

Доукинс увидел вязаную лестницу и, не говоря ни слова (хотя мог бы сказать, к примеру: «Не соблаговолите ли вы позволить мне воспользоваться этой чудесной лестницей?»), выхватил лестницу из рук Бормотуньи Джейн.

Однако Доукинсу очень скоро пришлось убедиться, что это не та лестница, по которой легко можно было бы взобраться на второй этаж, чтобы спасти чету Диккенсов. Лестница моталась из стороны в сторону от малейшего дуновения, поэтому прежде всего необходимо было закрепить ее в вертикальном положении. Вот если бы Доукинсу удалось переправить лестницу наверх к мистеру и миссис Диккенсам, они могли бы привязать ее к чему-нибудь тяжелому, вывесить из окна и спуститься по ней вниз.

— У меня есть план рекогносцировки! — крикнул Доукинс.

— Сейчас не время жарить яичницу! — крикнула ему в ответ миссис Диккенс.

— Он сказал «рекогносцировка», а не «сковородка», — разъяснил жене мистер Диккенс.

— Какую рекогносцировку ты предлагаешь? — спросила у Доукинса миссис Диккенс, у которой загорелись брови из-за пролетевшей поблизости головешки.

К несчастью, Доукинс не услышал последней реплики своей госпожи, а в предпоследней расслышал не все слова. Последнее, что он услышал, это: «Сейчас самое время жарить яичницу». Будучи чрезвычайно исполнительным слугой, никогда не подвергавшим сомнению указаний своих господ, Доукинс помчался на кухню, чтобы приготовить им яичницу-глазунью, вместо того чтобы приступить к операции по их вызволению из огня.

Между тем Бормотунья Джейн, беспрерывно бормоча что-то себе под нос (что не должно нас удивлять), ползла по полу к двери и была уже близка к спасительному порогу.

Верхний этаж дома постепенно обрушивался по кратчайшей траектории, то

есть падал с высоты вниз в виде объятых пламенем бревен и головешек.

Мистер и миссис Диккенсы должны были срочно выработать план спасения и привести его в исполнение (срочно — это значит на протяжении пяти-шести ближайших абзацев), в противном случае они потеряли бы все шансы выбраться из этой заварухи живыми. Это означало бы, что Эдди оказался в Приюте для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака на законном основании, а не вследствие чудовищной ошибки.

Именно в этот решающий момент жену мистера Диккенса, что называется, осенило. Ей пришла в голову блестящая мысль, что случилось с ней примерно раз в шестнадцать лет, и следующее озарение должно было произойти не ранее, чем через три года. К счастью, на этот раз ее осенило немного раньше.

— Лебедка! — крикнула миссис Диккенс.

— Что?

— За мной! — скомандовала она мужу и устремилась к спальне, отважно прорываясь сквозь языки бушующего пламени. Мистер Диккенс послушно последовал за ней. В углу спальни лежал тюк простыней. Это были те самые простыни,

при помощи которых родители Эдди спустили на лебедке свою кровать из окна, чтобы попрощаться с любимым сыном, а также с Безумными Дядей Джеком и Еще Более Безумной Тетей Мод.

Вы, конечно, можете спросить: почему простыни не сгорели вместе со всеми другими вещами? Дело в том, что они были совершенно мокрыми. Вы, наверное, помните, что, когда экипаж с сыном мистера и миссис Диккенсов тронулся с места, пошел сильный дождь. После того как Доукинс при помощи лебедки поднял кровать с сидящими на ней хозяевами обратно в спальню, он выдал им свежие простыни из коричневых бумажных пакетов, а промокшие полотняные сложил в углу на манер матросской бухты — скрученного витком каната — и забыл про них.

Когда супруги подбежали к простыням, над ними реяло облачко пара; они почти высохли от жары, но все еще оставались слишком влажными, чтобы загореться.

Миссис Диккенс схватила простыни в охапку, проворно высвободила один конец и привязала его к ближайшему тяжелому предмету, не охваченному пламенем. К крайнему сожалению мистера

Диккенса, этим предметом оказался он сам, и ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы выпутаться из сложившейся ситуации. Отцепив конец простыней от себя, он привязал его к металлической раме (это было все, что осталось от их двуспальной супружеской кровати), такой горячей, что мистер Диккенс обжег себе пальцы, но у него не было времени даже заметить это.

Между тем миссис Диккенс свесила из окна другой конец связки простыней.

— Вперед! — решительно скомандовал ее муж, и она начала спускаться вниз по связанным простыням, как альпинистка по канату с узелками.

Спустя некоторое время настал черед отца Эдди. Мистер Диккенс всегда боялся высоты — настолько, что ему достаточно было подняться на цыпочки, чтобы у него закружилась голова. Однажды, когда он встал на стул,

собираясь достать книгу с верхней полки, понадобились увещевания группы странствующих философов, приведенных бригадой пожарников, чтобы он спустился вниз. Однако огонь входил в число тех немногих вещей, которых мистер Диккенс боялся больше, чем высоты. Поэтому он пулей вылетел из окна и спустился на землю по связке простыней быстрее, чем вы успели бы произнести скороговорку «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет» (хотя лично я никогда не мог представить себе таких обстоятельств, при которых кому-нибудь пришлось бы в голову сделать столь странное заявление).

В конечном итоге чета Диккенсов уцелела при пожаре, который охватил их дом вследствие выполнения Предписаний доктора Маффина. К несчастью для Доукинса (известного также под именем Дафна), ему повезло меньше, чем его хозяевам. После неудачной попытки пробраться на верхний этаж, чтобы накормить своих господ яичницей-глазуньей, которую он приготовил из-за прискорбного недоразумения (если вы помните, он ослышался), Доукинс был вынужден отступить перед разбушевавшимся огнем и ретироваться в сад. Там

он обнаружил, что аккуратно сложенная им возле дерева и придавленная половинкой кирпича стопка оберточной бумаги превратилась в горстку пепла. По-видимому, на нее упал один из угольков с верхнего этажа горящего дома. При виде того, какая участь постигла доверенную его заботам бумагу, Доукинс разрыдался.

Бормотунье Джейн также не повезло. Все результаты ее неустанного труда — как вы знаете, она несколько лет проводила за вязанием не менее одиннадцати часов тридцати шести минут в день — пошли прахом; уцелел лишь уголок от накидки для чайника. Впоследствии Джейн прикрепила его к тонкой серебряной цепочке и до конца жизни носила у себя на шее в виде медальона.

— Мы спасены! — воскликнула миссис Диккенс.

— Благодаря твоему плану, дорогая, — отметил ее муж.

— Но не благодаря доктору Маффи-ну, — заявила миссис Диккенс, в душу которой — впервые с той минуты, как они приступили к Курсу лечения, — закрались сомнения относительно компетентности их домашнего врача.

Отец Эдди чуть было не согласился со своей супругой, но вовремя заметил, что с ней произошли удивительные перемены. Сначала мистер Диккенс подумал, что все дело в саже, налипшей ей на лицо. Истина открылась ему после того, как он протер щеку своей жены концом влажной простыни, ставшей последним звеном «веревочной лестницы».

— Ты больше не желтая! — воскликнул он, не веря собственным глазам.

Миссис Диккенс ощупала края головы своего мужа и тоже воскликнула:

— Ты больше не расплывчатый по краям!

В ее голосе прозвучало радостное изумление, переходящее в восторг.

Затем они оба стали лихорадочно принюхиваться. Пахло горелым домом и сожженной мебелью. И больше ничем.

— Я не чувствую запаха застоявшейся в грелках воды! — воскликнули они в один голос.

— Мы выздоровели! — сделал заключение мистер Диккенс.

Супруги взялись за руки и стали водить хоровод вокруг догорающего дома.

— Доктор Маффин гений! — воскликнула миссис Диккенс. — Какой стыд, что

я в нем усомнилась. Никогда себе этого не прощу!

Тут слышался страшный грохот, и их дом окончательно рухнул, превратившись в охваченную пламенем грудку бревен и раскаленного кирпича.

— Это дело нужно отметить! — проговорил мистер Диккенс, потирая руки. — Подумать только: мы выздоровели, и Саймону больше не придется жить в Беспросветном Тупике.

— Наверное, ты имеешь в виду Джонатана, — поправила его миссис Диккенс, хотя на самом деле они оба имели в виду своего сына Эдди. Вы, должно быть, помните, что Диккенсы-родители испытывали трудности с запоминанием его имени.

— Надо срочно послать телеграмму твоему Безумному Дяде Джеку, чтобы он прислал Эдди обратно домой, — с широкой улыбкой на лице проговорила миссис Диккенс.

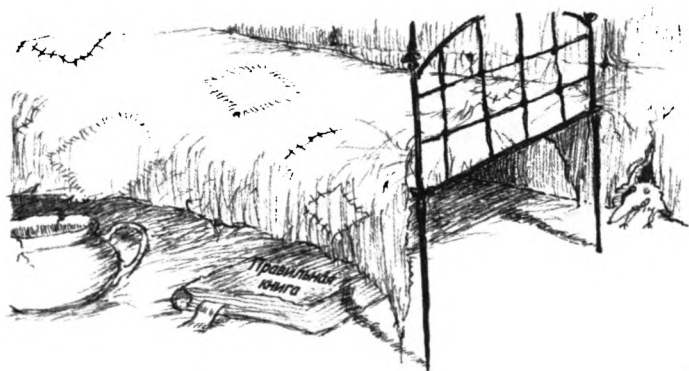
Естественно, ни она, ни ее муж не догадывались, что их дорогой сын так и не добрался до Беспросветного Тупика. Им и в голову не приходило, что в эту минуту он чахнет в Приюте для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака.

Боюсь, вы слабо представляете себе, что означает слово «чахнуть», я, честно

говоря, тоже плохо разбираюсь в такого рода вещах, но знаю, что это именно то, чем занимаются заключенные и сироты в книгах о тюрьмах и сиротских приютах. Поскольку и в данном случае мы имеем дело с книгой, а бедняга Эдди находится в сиротском приюте, мне пришлось написать, что он «чахнет». Ничего не поделаешь: таковы правила игры.

В камере — простите, в комнате — сиротского приюта, в которой оказался Эдди, тоже имелась книга. На ее обложке большими золотыми буквами была вытиснена надпись «ПРАВИЛЬНАЯ КНИГА».

Именно эта книга поможет Эдди спастись, но не сразу, а в одном из последних эпизодов, так что не будем забегать вперед, тем более что мы еще не выяснили, каким образом наш герой оказался в Приюте для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака.

Опасный эксперимент

Эпизод 8,

*в котором шоколад может оказаться
мышинным катышком*

У Эдди появилось ощущение, что с того времени, как к ним присоединился актер-импресарио мистер Памблснук, ситуация стала меняться в худшую сторону. Напомню, что, кроме Памблснука, в экипаже ехали Эдди и Безумная Тетя Мод, не считая неподвижного горносталя Малькольма.

Возможно, кто-то и забыл бы посчитать Малькольма, но только не Эдди, потому что как раз сейчас горносталя утыкался своим острым рыльцем ему в ухо.

— Почему мы сгрудились в одну кучу? — спросил мальчик, все еще сердясь на мистера Памблснука за то, что

тот, прикинувшись разбойником с большой дороги, наставил на него дуло револьвера. — Почему бы кому-нибудь из нас не пересесть на свободное место?

Нормальному человеку этот вопрос показался бы весьма разумным, поскольку все трое — Эдди, Безумная Тетя Мод и мистер Памблснук (не считая горноста) — теснились на одном сиденье, в то время как место напротив было *вакантным*, или, иначе говоря, пустым.

— За рассаживание отвечаю я! — беспелляционно заявила Безумная Тетя Мод. — Поэтому все будут сидеть так, как я скажу. То есть на одном сиденье.

— Насколько мне известно, вы закончили Институт Рассаживания для Благородных Девиц, не так ли, леди? — спросил мистер Памблснук.

У Эдди создалось впечатление, что актер-импресарио лезет вон из кожи, чтобы подольститься к его двоюродной бабушке.

— Вы, как всегда, правы, мистер Памблснук, — жеманно улынулась Безумная Тетя Мод и покраснела, как молоденькая девушка. Это в ее-то возрасте! Я уже не говорю о том, что ее и без того изборожденное морщинами лицо стало в эту минуту похоже на сморщенную сушеную

сливу. — Хотя, сказать по правде, я никогда не училась в Институте Рассаживания для Благородных Девиц. Однако это ничего не значит. Я владею навыками рассаживания и безо всякого обучения, они у меня в крови. Я прирожденная рассаживательница!

— Но это уже не лезет ни в какие ворота! — возмутился Эдди. Возможно, его гнев был, хотя бы отчасти, порожден тем обстоятельством, что острый локоть двоюродной бабушки вонзился ему в ребра с такой же силой, с какой рыльце горностая — в ухо.

— Молчать, щенок! — взвизгнула Безумная Тетя Мод. — Когда я была маленькой девочкой, детей было видно, но не слышно!

— А когда я вкушал блаженство младенческой поры жизни... — начал актер-импресарио, который, как вы помните, всегда использовал в своей речи гораздо больше слов, чем было нужно, — ...словом, когда я был ребенком, детей было не видно и не слышно.

— От них только пахло? — предположила Безумная Тетя Мод.

Для Эдди было совершенно очевидно, что мистер Памблснук не собирался говорить «от них только пахло», но актер-

импресарио был настроен слишком льстиво и подобострастно по отношению к Тете Мод, чтобы ей возразить.

— Их было не видно и не слышно, от них только пахло! — с восторгом повторила Безумная Тетя Мод. — От них пахло, потому что их натирали луком с головы до пят!

Упоминание лука заставило Эдди вспомнить свою дорогую мамочку, миссис Диккенс, которая набивала рот луком, чтобы улучшить форму своей головы. Вы правильно догадались. Речь идет об одном из Предписаний доктора Маффина, входивших в состав разработанного им Курса лечения. Эдди тяжело вздохнул.

— Не надо печалиться, — подбодрил его актер-импресарио. — Давай воспользуемся преимуществами, которые предоставляет нам долгая дорога, предусматривающая совместное пребывание в экипаже на протяжении длительного времени, и попытаемся выяснить, обладаешь ли ты талантом трагического актера.

Эдди онемел от изумления.

— У нас полно времени, так что давай проверим, можешь ли ты играть на сце-

не, — перевела эту фразу на человеческий язык Безумная Тетя Мод.

Это были первые разумные слова, произнесенные Тетей Мод с тех пор, как Эдди с ней познакомился. Это потрясло Эдди еще сильнее, чем предложение мистера Памблснук. Но и сама Безумная Тетя Мод выглядела потрясенной. Похоже, она не ожидала от себя такой прыти.

— Могу ли я играть на сцене? — переспросил Эдди, чувствуя, как по его ногам пробегает дрожь радостного возбуждения. Хотя не исключено, что причиной возбуждения послужили ворсистые шерстяные носки, вызывавшие зуд в икрах.

— Именно это я и имел в виду, мой мальчик. Давай попробуем установить, наделен ли ты дарованием трагического актера, — гнул свое мистер Памблснук. — Как показывает пример моего поведения, когда эта достойная леди бросила в меня свои часы, — он кивнул в сторону Безумной Тети Мод, стукнувшись при этом лбом о ее подбородок: ведь они сидели втроем (не считая горносталя) на одном сиденье, — самое главное для артиста — это оставаться в образе, несмотря ни на какие препоны и рогатки.

— Остаться в образе? — недопонял Эдди.

— Всегда и во всем быть тем человеком, образ которого ты воплощаешь, — пояснил мистер Памблснук.

Эдди так и не смог составить ясного представления о том, что имел в виду мистер Памблснук, пока Тетя Мод не разъяснила ему вкратце суть дела:

— Коли уж ты вошел в роль, ни в коем случае не допускай, чтобы кто-то тебя из нее вывел.

Эдди снова был потрясен — во второй раз за относительно короткое время. Если Безумная Тетя Мод и дальше будет продолжать в том же духе, придется переименовать ее в Полубезумную Тетю Мод или в Безумную Время От Времени Тетю Мод. Что это на нее нашло?

— Актерская игра — это нечто большее, нежели исполнение той или иной роли, — продолжал мистер Памблснук. — Уж если актер вошел в образ, то, как правильно указала эта мудрейшая из женщин, он не должен позволять никому вывести себя из него.

Эдди пришлось изрядно потрудиться, чтобы сдержать смех. Это ж надо додуматься — назвать его безумную (или, в лучшем случае, полоумную) двоюродную бабушку мудрейшей из женщин!

Тут снаружи раздался возглас Безумного Дяди Джека:

— Тпру-у-уууу!

Экипаж остановился. Эдди услышал, как его двоюродный дедушка спускается с козел; вскоре его клювообразный нос появился в окне экипажа.

— Меня заставил остановиться зов природы, — проговорил он с ноткой смущения в голосе.

— Я ничего не поняла, — заявила Безумная Тетя Мод. — Что ты имеешь в виду? Крик совы?

— Нет, моя дорогая, я намекаю на то...

— Кто-нибудь из вас слышал крик совы? — спросила Безумная Тетя Мод, поворачиваясь к Эдди.

Это ее телодвижение привело к тому, что рыльце Малькольма больно стукнуло мальчика по носу. Затем она повернулась к мистеру Памблснуку, который получил удар по зубам твердым, как камень, хвостом горносталя.

— Черт побери! — не сдержался Эдди, утирая платком хлынувшую из носа кровь.

— Я не слышал никакого крика, мадам, — галантно прошамкал мистер Памблснук, уронив на колени выбитый зуб.

— Может, это был крик барсука? — выдвинула предположение Безумная Тетя Мод, глядя прямо перед собой.

Мистер Памблснук и Эдди замерли от напряжения, опасаясь того, что тетя снова повернется к кому-нибудь из них вместе со своим горностаем. Кто знает, какие новые разрушения повлечет за собой следующий поворот ее туловища?

— Нет, моя дорогая. Под зовом природы я подразумеваю потребность организма... Мне нужно сходить... — Лицо Безумного Дяди Джека побагровело, хотя оно было таким худым, что Эдди не мог понять, как на нем поместился такой густой румянец.

— Значит, ты имел в виду не крик совы? И не крик барсука? Надеюсь, речь не идет о той маленькой птичке, которая, не переставая, орет: «Уйди, уйди, уйди»? — выразила возмущение Безумная Тетя Мод. — Я никогда не поверю, что мой муж остановил экипаж только оттого, что испугался этой вертихвостки и поспешил выполнить ее указание.

Безумный Дядя Джек, несомненно, предпринял бы еще не одну попытку объяснить, что именно он имел в виду под «зовом природы», если бы мог терпеть. Но «зов природы» оказался таким

сильным, что ему ничего не оставалось делать, как устремиться к придорожным кустам. Через несколько минут он вернулся с выражением облегчения на лице.

— Он нашел орла? — спросила Безумная Тетя Мод, кивая на мужа, который снова взгромоздился на козлы экипажа.

— Орла? — переспросил Эдди.

— Детей должно быть не видно и не слышно, от них должно только пахнуть! — пришла в ярость Безумная Тетя Мод.

Эдди слегка расслабился. Было что-то успокоительное в том, что его двоюродная бабушка снова обезумела и понесла свою обычную дичь.

— Бог с ним, с орлом, мой юный друг и коллега, — обратился к Эдди мистер Памблснук. — Пора приступать к нашему эксперименту. Только имей в виду: тебе придется войти в образ мальчика, сильно отличающегося от тебя.

Снаружи слышалось щелканье кнута, за которым последовал стук копыт: экипаж снова тронулся с места и стал набирать скорость.

Мы уже свыклись с мыслью, что Эдди был образцовым маленьким джентльменом. Не следует упускать из виду, что родители мальчика потратили на его воспитание хорошие деньги. (Как-то раз

они попробовали расплатиться плохими деньгами, но этот номер не прошел: им вернули всю сумму по почте.) Теперь зададимся вопросом: мог ли такой достойный и воспитанный маленький джентльмен отказаться от роли мальчика, совершенно не похожего на него?

— Надеюсь, вы не имеете в виду иностранца? — спросил Эдди с замиранием сердца.

В те времена с недоверием относились ко всем иностранцам, будь то принцы, пролетарии или продавцы елочных игрушек — независимо от того, начиналось название рода их деятельности с буквы «п» или нет.

— Конечно, нет, мой юный друг! — поспешил заверить мальчика актер-импресарио, явно шокированный столь нелепым предположением. — Неужели ты думаешь, что я предложил бы тебе — неопытному актеру и, по сути дела, совсем еще ребенку — роль иностранца в присутствии леди, которая находится в такой близости от нас ввиду ограниченности пространства, которым мы располагаем?

— Я как-то встречалась с одним иностранцем, — сообщила Безумная Тетя Мод, в глазах которой появился какой-то странный блеск. — Его было не видно

и не слышно, но я ощущала его запах. Кто-то натер его...

— Луком? — высказал предположение Эдди.

— Хороший мальчик, — похвалила его Безумная Тетя Мод.

Она взяла Эдди за подбородок и положила ему в рот катышек шоколадного драже. По крайней мере, Эдди надеялся, что это шоколад. Шарик был похож на шоколадный, но, зная свою двоюродную бабушку, он не исключал, что это мог быть и мышиный катышек.

Нервно проглотив это сомнительное лакомство, Эдди нагнулся вперед, чтобы ему было лучше видно актера-импресарио, которого то и дело загораживала от него Безумная Тетя Мод.

— Если это не иностранец, то кто? — спросил Эдди, сгорая от любопытства. — Какую роль вы собираетесь мне предложить, мистер Памблснук?

— Роль мальчика-сироты, — ответил актер-импресарио.

Те из вас, кто обладает хорошей памятью и/или хотя бы одной мозговой извилиной, уже поняли, что с этого мгновения жизнь Эдди пошла наперекосяк.

Серьезное недоразумение

Эпизод 9,

*в котором мы встречаемся
с китайской императрицей
и другими важными персонами*

— Что нужно зарубить себе на носу, если хочешь сыграть кого-нибудь на сцене? — спросил мистер Памблснук, старательно заворачивая выбитый зуб в носовой платок.

Как вы помните, зуб выпал у него изо рта, когда Безумная Тетя Мод ударила его по лицу хвостом своего горностая примерно полмили тому назад.

Между тем Эдди тоже пришлось воспользоваться носовым платком, но с другой целью: чтобы остановить кровь, которая опять потекла у него из носа после того, как его двоюродная бабушка саданула его другим концом Малькольма (или Салли — кому как больше нравится).

В душу Эдди закралось подозрение, что Безумная Тетя Мод способна нанести своим горностаем больший урон, чем средняя по величине армия со всем ее арсеналом и обозом.

— Что нужно зарубить себе на носу, если хочешь сыграть кого-нибудь на сцене? — повторил Эдди и крепко задумался. Через пару минут ответ был готов: — Не выходить из роли, что бы ни случилось.

— Это уже не лезет ни в какие ворота! — воскликнула Безумная Тетя Мод и, откинувшись на спинку сиденья, стала рыться в своей дорожной сумочке.

— Отлично! — воскликнул мистер Памблснук. — Золотые слова, мой мальчик! Однажды со мной произошел такой случай. Когда я играл роль большого лесного ореха в пьесе «Разделанный под орех», у меня был костюм из настоящих лесных орехов, изготовленный моей любимой женой.

— Ленивой женой? — встрепелась Тетя Мод. — Вы должны были поколотить ее палкой так, чтобы на ней не осталось ни одного живого места! Ни дюйма живой кожи!

Как известно, в дюйме примерно два с половиной сантиметра, но дело проис-

ходило в те стародавние времена, когда нельзя было сказать: «чтобы на ней не осталось и двух с половиной сантиметров живой кожи».

— Моей *любимой* женой, — поправил ее мистер Памблснук. — На чем я остановился? Ах, да. Я играл роль большого лесного ореха, когда семья белок — должно быть, белки устроили себе гнездо на крыше амбара, который мы использовали в тот день в качестве театра, — выпрыгнула на нашу сцену...

Эдди хотелось, чтобы актер-импресарио поскорее перешел ближе к делу, но опыт общения с ним подсказывал, что бесполезно торопить человека, который привык употреблять семьсот двадцать три слова там, где можно обойтись одиннадцатью. (Между прочим, я не советую вам пересчитывать слова, произнесенные мистером Памблснуком. С моей стороны это была всего лишь фигура речи. Если вы еще не знаете, что такое фигура речи, я не вижу в этом ничего страшного. Я вот тоже не знал, что такое четырехколесная телега, груженная сеном, пока она не наехала на меня, когда я в двадцатитрехлетнем возрасте приехал в деревню навестить родственников, однако это

не причинило мне особого вреда. То есть сама-то телега причинила мне вред, да еще какой, но вы поняли, что я имею в виду.)

— Приняв меня за гигантский лесной орех, белки облепили меня со всех сторон и принялись грызть мой костюм из орехов, — продолжал мистер Памблснук. — В такой ситуации простой смертный выскочил бы из костюма и убежал со сцены подобру-поздорову, но я поступил иначе. Потому что я актер! Трагический актер! Я играл роль лесного ореха перед публикой и поэтому должен был при любых обстоятельствах оставаться лесным орехом. И целая банда маленьких лесных разбойников не смогла бы заставить меня...

— Каких разбойников? — прервала его снова встрепенувшаяся Тетя Мод. — Морских? Значит, на вас напали пираты?

— Не пираты, мадам, — поправил ее мистер Памблснук с бесконечной кротостью. — Это были не морские, а лесные разбойники-белки.

Все еще прижимая к носу запачканный кровью платок, Эдди пытался понять, почему его двоюродная бабушка стала с некоторых пор плохо слышать.

С чего бы это вдруг? Ведь у нее не было проблем со слухом в начале путешествия.

— Итак, представление продолжалось, — продолжил свой рассказ мистер Памблснук. — Я оставался в костюме и в роли и вел себя так, как стал бы вести себя на моем месте настоящий лесной орех, на который напали белки... Я остался в образе... Ключ к успеху спектакля — это актер, мой мальчик!

Эдди так и подмывало спросить, как ведет себя настоящий лесной орех, когда его грызут белки (по-видимому, он стойко переносит лишения, не издавая ни звука), но мальчик не успел этого сделать, так как ему пришлось переключить внимание на Безумную Тетю Мод, которая вела себя как-то странно.

Едва слышно напевая себе под нос какую-то нежную мелодию (она делала это так тихо, что правильнее было бы назвать ее пение мурлыканьем), его двоюродная бабушка выстригала волоски из ноздрей горностая Малькольма при помощи маленьких золотых ножниц для ногтей. Вы скажете, что в этом нет ничего плохого. Возможно, вам приходят на память некоторые школьные учителя, которым не мешало бы выстричь волоски из ноздрей и из ушей (что касается

меня, то я всегда вспоминаю по этому поводу мисс Боурис, учительницу рисования), но внимание Эдди было привлечено тем, что Безумная Тетя Мод делала с выстриженными волосками потом. Она засовывала их в собственные уши.

Все мысли о лесных орехах словно ветром сдуло; они, можно сказать, вылетели в окно (как часы тети в одном из предыдущих эпизодов). Пожалуй, я выразился не совсем точно. В окно вылетели все мысли Эдди о мистере Памблснуке в роли лесного ореха. Мальчик стал думать о других овощах и фруктах. Например, его двоюродная бабушка, сидевшая рядом с ним с волосками из носа горностая в ушах, — это тот еще фрукт! Да и дедушка Джек тоже не подарок. Беда в том, что ему придется жить с этими людьми в Беспросветном Тупике, пока не

выздоровеют его родители. А кто знает, сколько времени продлится Курс лечения?

При мысли об этом Эдди содрогнулся.

— Ты действительно готов принять вызов судьбы, мой мальчик? — спросил у него мистер Памблснук. — Ты готов войти в образ мальчика-сироты и оставаться в этой роли до конца нашего путешествия? Иными словами, готов ли ты войти в роль и оставаться в ней до тех пор, пока я не дам отбой?

— Думаю, да, — сказал Эдди.

«Во всяком случае, — подумал он, — это поможет отвлечься от мыслей о том, что ждет меня впереди». По правде говоря, его очень пугала перспектива жить под одной крышей с этими странными родственниками, которые вели себя как форменные безумцы. Да и название их дома — Беспросветный Тупик — не настраивало на оптимистический лад.

— Ты обещаешь оставаться в роли, что бы ни случилось? — допытывался мистер Памблснук, перегибаясь через Безумную Тетю Мод, которая, сделав свое дело, укладывала ножницы для ногтей обратно в сумочку, оставив на время в покое лежавшего у нее на коленях Малькольма. Актер-импресарио воспользовался этим

моментом, чтобы посмотреть Эдди прямо в глаза, не опасаясь того, что горноста́й ударит его хвостом, носом или лапой. — Ты готов поклясться *честью своей семьи*, что останешься в роли, пока я не дам отбой?

— Да, — твердо произнес Эдди, выдержав взгляд мистера Памблснука.

Надо сказать, что «честь семьи» играла в те времена большую роль в жизни человека. Допустим, вы сваяли дурака и ограбили монахиню, собиравшую деньги на благотворительность. Из-за этого неосмотрительного поступка позор падал не только на вас, но и на всю вашу семью.

Люди могли сказать: «Это миссис Харрис, чей сын съел выставленную в художественной галерее скульптуру из бараньих котлет», — и этого было достаточно, чтобы они ни за что не сели рядом с ней на скамью в церкви. Приведу еще пример. Люди могли перейти на другую сторону улицы при встрече с любым из членов семьи Монро только из-за того, что Мери Монро пририсовала углем усики миссис Томпсон, когда та заночевала у них в доме. Нет, что ни говори, а честь семьи очень много значила для людей того времени. Поэтому человек брал на

себя большую ответственность, когда клялся честью своей семьи.

И Эдди Диккенс поклялся честью семьи Диккенсов, что сыграет роль мальчика-сироты и не выйдет из этой роли, пока мистер Памблснук не даст отбой.

Хотя Эйнштейн еще не родился, когда происходили описываемые события, и уже умер, когда вы о них читаете, не надо быть Эйнштейном, чтобы оценить последствия клятвы Эдди. Словом, вы можете представить себе в общих чертах, что произошло дальше, особенно если у вас хорошая память. Ведь еще в первом эпизоде высказывалось опасение, что Эдди может попасть в Приют для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака, а сейчас мы уже добрались до девятого эпизода, так что удивляться особенно нечему. Не такая уж это и новость. Тем не менее именно сейчас наступит момент, когда события начнут стремительно развиваться в указанном направлении.

Безумный Дядя Джек натянул поводья и сказал:

— Тпр-р-р-у-ууууу!

Лошадь, не привыкшая к тому, чтобы хозяин давал ей вполне осмысленные распоряжения, была так поражена, что

мгновенно встала как вкопанная, чего Безумный Дядя Джек, собственно, и добивался. Он решил остановиться, потому что увидел посреди дороги человека в очень высокой шляпе. Если бы Безумный Дядя Джек не сказал своей лошади «Тпр-р-р-у-уууу!» и та не замерла бы на месте от изумления, шляпа этого человека, возможно, была бы теперь сплющена в лепешку, равно как и сам этот человек. Безумный Дядя Джек решил избежать такого поворота событий, потому что даже при скудном вечернем освещении заметил, что стоявший посреди дороги человек был пилером.

Скорее всего вы не знаете, что такое «пилер», но это не беда: вы всегда можете спросить у меня, и я не оставлю вас в неведении. Слово «пилер» образовано от фамилии человека, которого звали сэром Робертом Пилем. Если у вас промелькнуло в голове, что вы слышали эту фамилию на уроках истории, то вы не ошиблись; поэтому я буду предельно краток. Хотя Роберт Пиль известен преимущественно тем, что был в свое время премьер-министром Британии, но он остался в памяти еще и потому, что первым организовал в Британии регулярные силы охраны порядка, отчего полицей-

ских стали называть пилерами. Если бы его звали сэром Робертом Бунком, полицейских стали бы называть бункерами, поэтому будем считать, что им еще повезло.

Надеюсь, теперь вы понимаете, почему двоюродный дедушка Эдди не решил сбить этого человека своим экипажем и предпочел сказать своей лошади «Тпр-р-р-у-уууу!». Думаю, это было правильное решение: полицейские не любят, когда их сбивают; они не любили этого в давние времена, не любят и теперь, поэтому можно смело сказать, что в этом отношении ничего не изменилось. Раз-

ница лишь в том, что полицейский, перегородивший путь экипажу Безумного Дяди Джека, рисковал своей высокой шляпой.

Шляпа этого пилера — как и все пилерские шляпы — была необычайно высокой и узкой. Чтобы представить себе ее высоту, надо поставить три обычные высокие шляпы одна на другую. Данная рекомендация не поможет тому, кто никогда не видел обычной высокой шляпы. Это все равно что сказать кому-нибудь: «Когда твоя мама поет в ванной, это напоминает мне вой шакала Дронго в Большом Каньоне» — при том, что человек, к которому вы обращаетесь, никогда не слышал ни о Дронго, ни о Большом Каньоне. Я уже не говорю о том, что он никогда не слышал воя шакала. Иными словами, если вы не знаете, как выглядит обычная высокая шляпа, значит, вам не повезло. Тем не менее на полицейском была шляпа высотой в три обычные высокие шляпы, поставленные одна на другую, и с этим уж ничего не поделаешь — независимо от того, видели вы когда-нибудь высокие шляпы или нет.

— Добрый вечер, сэр, — обратился пилер к Безумному Дяде Джеку. — Не окажете ли вы мне любезность? Я попро-

сил бы вас слезть с козел, если вы не возражаете.

Заметьте, он не попросил Безумного Дядю Джека, чтобы тот показал ему свое водительское удостоверение и регистрационные документы на транспортное средство, потому что в то время еще не додумались до таких вещей. И не потребовал, чтобы Безумный Дядя Джек и его лошадь прошли тест на содержание алкоголя в крови, потому что полицейского совершенно не интересовало, пьяны они, как сапожники, или трезвы, как стеклышко.

— Я ищу беглого сироту, — объяснил он. — Того стервеца, что сбежал из Приюта для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака.

— Неблагодарная свинья! — возмутился Безумный Дядя Джек.

— Я сказал то же самое, — поддержал его пилер. — Услышав о побеге, я предложил переименовать это учреждение: пускай оно называется отныне Приютом для *Неблагодарных* Сирот.

— Мы должны приступить к сбору средств, чтобы переименовать приют как можно скорее! — воскликнул Безумный Дядя Джек, который настолько загорелся этой идеей, что ощутил потреб-

ность действовать немедленно и как можно более энергично. — Уверяю вас, что переименование не потребует больших затрат. Нужно будет найти местного художника и попросить его пририсовать буквы «Н» и «е» перед словом «благодарных» на вывеске над воротами. Я полагаю, над воротами приюта есть вывеска?

— О да, безусловно, сэр, — подтвердил пилер.

— Очень хорошо. Смею предположить, что это обойдется не слишком дорого, — размышлял вслух двоюродный дедушка Эдди. — Помнится, несколько лет назад я решил подарить часы своей драгоценной супруге и попросил выгравировать надпись на внутренней стороне корпуса, и что вы думаете: с меня взяли всего по фартингу за букву! Да, вот еще что: я полагаю, у этого святого Вурдалака должны быть свои фирменные бланки, не так ли, сэр?

Пилер с уважением кивнул головой. Он понял, что этот кучер — не какой-нибудь мужлан, а культурный человек. Всегда приятно иметь дело с джентльменом.

— Итак, придется вдобавок изменить надпись на фирменных бланках, то есть переделать слово «Благодарных» в слово

«Неблагодарных», — заметил Безумный Дядя Джек. — Думаю, это не составит большого труда. Пририсовать недостающие буквы могли бы сами неблагодарные сироты. Пускай встают в пять утра и прибавляют слог «Не» к слову «Благодарных» на всех фирменных бланках, прежде чем отправиться чистить трубы на крышах или добывать уголь на шахтах — словом, заняться тем, чем обычно занимаются неблагодарные сироты до позднего вечера, чтобы заработать деньги на свое содержание.

— Мудрое решение, сэр, — с благожелательной улыбкой поддержал его пилер. В конце концов, это была его идея — переименовать приют; поэтому пилеру было приятно, что ее с таким энтузиазмом поддержал этот достойный джен-тльмен.

— Позвольте мне сделать свой скромный взнос в Фонд по проведению кампании по переименованию приюта, — торжественно произнес Безумный Дядя Джек.

— Хорошо, сэр, — сказал пилер с некоторым сомнением в голосе.

Как и все полисмены, он должен был соблюдать большую осторожность, беря взятки. То, что может показаться кому-то

бескорыстным вкладом в важное и благородное дело, другие — например, работники отдела внутренних расследований — могут счесть за взятку. Но, как бы то ни было, пилеру не хотелось огорчать этого благородного джентльмена отказом, тем более что тот уже полез в карман за взносом. Интересно, сколько денег он предложит? Десять шиллингов? Фунт стерлингов?

Джентльмен предложил вяленого электрического угря.

Вяленого электрического угря?

— Извините, но сейчас у меня нет при себе палтуса, — пояснил Безумный Дядя Джек. — Дело в том, что я истратил последнюю рыбину этого вида, расплатившись за ночлег в придорожной гостинице «Придорожная гостиница».

Полисмен окинул собеседника тем особым взглядом, который характерен для всех офицеров полиции, будь то мужчина или женщина. Этот взгляд говорит примерно следующее: «Я не знаю, какую игру вы со мной затеяли, но будьте уверены: рано или поздно я выясню, что у вас на уме». Пилер почувствовал себя уязвленным. За всю жизнь никто не наносил ему такого тяжкого оскорбления. Предложить ему вяленого электрического

утря? Да как он посмел?! Однажды ему предложили надкусанное яблоко — что правда, то правда, — но он мог, по крайней мере, кинуть его собаке, которая жила во дворе полицейского участка. Но что прикажете делать с вяленным электрическим угрем? И — подумать только! — он принял этого скользкого типа за джентльмена!

Отношение пилера к Безумному Дяде Джеку резко изменилось.

— Мне придется осмотреть ваш экипаж, — сухо объявил он, опуская слово «сэр». — Вы не возражаете, если я произведу обыск?

— Разумеется, нет. Рад вам помочь, — сиял улыбкой двоюродный дедушка Эдди, которому и в голову не приходило, что он нанес пилеру оскорбление, предложив ему прекрасного вяленого угля. Безумный Дядя Джек ни секунды не сомневался, что они с пилером как были, так и останутся «закадычными друзьями».

— Осмелюсь спросить, кто находится внутри? — осмелился спросить пилер, направляясь к одной из дверей экипажа.

— Моя жена Мод, знаменитый актер-импресарио мистер Памблснук и сын моего племянника Эдмунд, — отрапортовал Безумный Дядя Джек.

— Понимаю, — сказал пилер. — И больше никого?

— Там есть еще Салли, — добавил Безумный Дядя Джек.

— Это служанка? — спросил пилер.

— Нет, это неподвижный горноста́й, — пояснил Безумный Дядя Джек.

— Понимаю... — повторил пилер.

Он заглянул внутрь через открытое окно и обнаружил, что одна сторона экипажа абсолютно пуста, в то время как на другой теснятся три фигуры (не считая горноста́я), вплотную прижавшиеся друг к другу. Пилер пристально посмотрел на горноста́я, лежавшего на коленях у Безумной Тети Мод.

— Полагаю, это Салли, — обратился он к Безумной Тете Мод.

— Мод, — сказала Мод.

— Прошу прощения, — отозвался пилер. — Я имею в виду вашего горноста́я.

— Его зовут Малькольм, — сказала Безумная Тетя Мод.

Эдди заметил, что пилер приподнял бровь, словно бы говоря себе: «Эти люди явно что-то скрывают. Видимо, они замышляют что-то недоброе. Иначе зачем они стали бы прибегать ко лжи?» Конечно, полисмену и в голову не приходило,

что Безумный Дядя Джек называл Малькольма Салли по той простой причине, что он действительно был безумцем. А может быть, дело обстояло как раз наоборот. Не исключено, что Безумная Тетя Мод называла Салли Малькольмом по той простой причине, что сумасшедшей была она. Но наиболее убедительной представляется мне версия, что они оба были сумасшедшими; в таком случае я не особенно удивлюсь, если выяснится, что горностаю звали не Малькольмом и не Салли, а, скажем, Корнелиусом или Эдной.

— Понимаю, — медленно проговорил пилер, переводя взгляд на мистера Памблснук. — А вы кем будете, сэр? — спросил он у актера-импресарио.

Мистер Памблснук выпятил грудь, надул щеки и, подбоченившись, ответил:

— Я китайская императрица.

Должно быть, вы уже догадались, что произошло в экипаже незадолго до этого. Пока мы описывали разговор между Безумным Дядей Джеком и пилером, происходивший на улице, Эдди, мистер Памблснук и Безумная Тетя Мод не теряли времени даром. Не могли же они молча сидеть в экипаже в ожидании того, когда автору заблагорассудится вывести их на сцену. В жизни так не бывает. Они продолжали разговаривать, и как только Эдди поклялся честью своей семьи ни при каких обстоятельствах не выходить из образа мальчика-сироты, актер-импресарио согласился сыграть роль китайской императрицы, которая ему, безусловно, удалась.

Мистер Памблснук не собирался выходить из образа, даже когда на его пути встретился офицер полиции. Он и не подумал нарушить слово и стать тем, кем был в реальной жизни. Раз уж он пообещал сыграть роль китайской императри-

цы, значит, он ее сыграет, а там хоть трава не расти.

Вся его аудитория состояла из пилера, Безумного Дяди Джека, заглядывавшего через плечо полисмена, Безумной Тети Мод и ее горностая, а также Эдди, мальчика-сироты. Но, какая-никакая, это была публика, а потрепанное сиденье экипажа служило ему сценой.

— Я китайская императрица, — повторил мистер Памблснук.

Возможно, здесь стоит отметить, что, хотя расстояние от Англии до Китая осталось прежним, в прошлом Китай находился гораздо дальше от Англии, чем сейчас, — по времени, если не по количеству разделяющих их миль.

В самом деле, сегодня вы можете сесть на самолет и долететь до Китая за несколько часов. Или увидеть Китай и его обитателей по телевизору. А в те времена лишь немногим людям довелось побывать в Китае или повстречаться с живым китайцем. И все же пилер знал, что этот человек был кем угодно, но только не китайской императрицей. Ему было ясно одно: этот человек был лжецом.

— Понимаю, — сказал пилер.

К этому времени полицейский мог сделать кое-какие предварительные зак-

лючения. Итак, он имел дело, во-первых, с кучером, который попытался сделать из него дурака, всучив ему вяленого электрического угря; во-вторых, с горностаихой по имени Салли, выдававшей себя за Малькольма; в-третьих, с подозрительной женщиной, называвшей себя Мод; в-четвертых, с рослым мужчиной, выдававшим себя за китаянку. Кроме того — и это уже в-пятых, — в экипаже находился прикрывавшийся носовым платком мальчик с кровью на лице.

Пилер достал из верхнего кармана мундира записную книжку и прочитал запись, которую сделал собственноручно в приюте святого Вурдалака всего несколько часов назад.

«Пранал сирота, мерский мальчишка збежал черес разбитое окно. На стекле остались следы крови, наверно, он порезался».

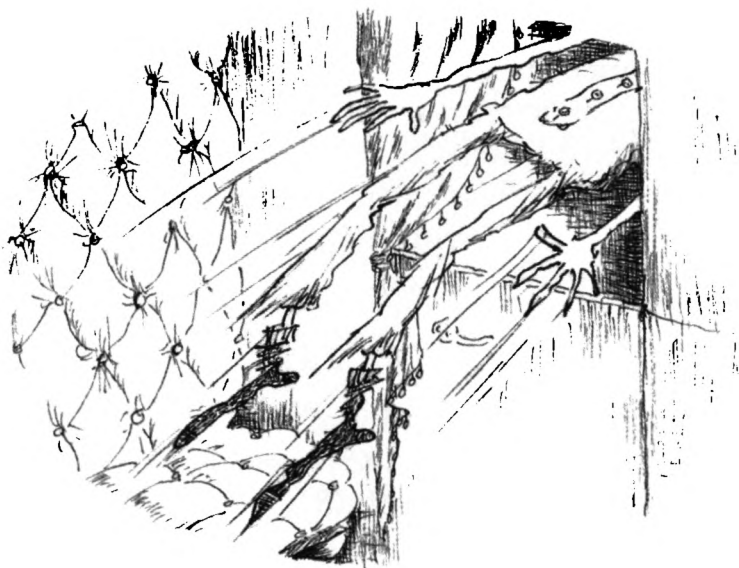
Кровь на стекле... И кровь на лице у этого мальчика, пытающегося спрятаться, забившись между двумя взрослыми...

— А кто ты, мальчик? — обратился пилер к Эдди. — Император Всея Руси? Или царица Савская?

Эдди сглотнул слюну.

— Нет, сэр, — ответил он, стараясь говорить как можно более сиротливым тоном. — Я бедный маленький мальчик-сирота.

Пилер перегнулся через дверцу экипажа и, не говоря ни слова, схватил Эдди за шиворот, вытащил его наружу и с глухим стуком опустил на землю.

— Попался! — воскликнул пилер, и его лицо озарилось торжествующей улыбкой.

Для офицера полиции нет большего удовольствия, чем схватить злодея за

шиворот. В своей записной книжке он называл сирот не иначе как «злодеями»; боюсь, он писал это слово через «а» — «зладеи». Но в такие роковые минуты, как эта, орфография большой роли не играет.

— Тебя ждет приятная теплая камера в полицейском участке, — злорадствовал пилер. — А после нее — не менее приятная холодная комната в приюте святого Вурдалака, из которой ты сбежал.

— Но это мой внучатый племянник, — вступил в разговор Безумный Дядя Джек, до сих пор следивший за развитием событий с интересом стороннего наблюдателя.

Эдди ухитрился повернуть голову и посмотреть назад. Он поймал взгляд мистера Памблснука в безумной надежде, что тот даст отбой и разрешит ему выйти из роли и объяснить полицейскому, что он вовсе не сирота.

Но не тут-то было.

Китайская императрица удостоила его имперским кивком, но не произнесла ни слова.

— Я просто бедный маленький мальчик-сирота, — пролепетал Эдди на тот же, по его представлению, сиротский

лад. Ведь на карту была поставлена честь его семьи.

— Значит, я ошибся, — заключил его двоюродный дедушка, теряя интерес к происходящему. — Ты очень похож на Эдмунда, мальчик; кроме того, ты находился в моем экипаже, вот я и принял тебя за своего внучатого племянника. — Повернувшись к пилеру, он сказал: — Можете заковать этого парня в кандалы.

— Но... Но... — затрепетал Эдди.

Тут китайская императрица громко кашлянула, и мальчик вспомнил о своем обещании.

Пилер не очень-то представлял себе, что такое кандалы. Он помнил из курса начальной школы, что в кандалах ходили рабы, и поэтому всегда думал, что под ними подразумеваются лохмотья, которые носят вместо нормальной одежды. Пилер мысленно представил, как он приводит парня в полицейский участок в лохмотьях; это, безусловно, вызвало бы косые взгляды, а то и насмешки со стороны сослуживцев. Поэтому полисмен считал за благо надеть на мальчика обычные наручники.

— Я вижу, ты в досталь нагулялся, парень, — сказал пилер. — Мистер Жесто-

косердый будет рад твоему возвращению. Он с удовольствием снова посадит тебя под замок.

Как ни странно, мистер Жестокосердый — возможно, благодаря своей фамилии — с самого начала не вызвал у Эдди большого доверия. И заведующий приютом не обманул самых худших ожиданий мальчика.

Книга о вкусной и здоровой пище

Эпизод 10,
*в котором Эдди хочет выбраться
на свободу*

Эдди расценивал камеру предварительного заключения в полицейском участке как наихудшее место на земле, пока его не вывели оттуда, не запихнули в коричневый мешок и не заперли в конечном итоге в комнате приюта, которая была похожа на тюремную камеру больше, чем сама тюремная камера. Эта комнатуха была такой тесной, что в ней и кошке негде было бы повернуться, хотя ни одна находящаяся в здравом уме кошка не согласилась бы здесь поселиться — прежде всего потому, что испугалась бы крысы.

Заметьте, что я употребил слово «крыса» в единственном числе: не «крыс» (это родительный падеж множественного числа), а именно «крысы». В комнате жила крыса, и Эдди был вынужден, как говорится, делить с ней кров. Если бы это была крыса из комикса, ее нарисовали бы с черной пиратской повязкой на глазу и с татуировкой на плече. Пожалуй, она жевала бы спичку, торчащую из уголка рта. Но поскольку Эдди приходилось иметь дело с реальной крысой, все, что он мог о ней сказать, — это то, что она была очень большой и очень страшной.

Здесь уместно будет заметить, что у крыс, как и у волков, очень плохая репутация. Видимо, потому, что о них пишут всякие гадости в газетах. Как только обрушивается какой-нибудь домик трех поросят, в этом тут же обвиняют волка; стоит эпидемии смертоносной чумы прокатиться по Европе, унося миллионы жизней, как в этом тут же обвиняют крыс. Между тем если бы крысам дали шанс, они, возможно, были бы очень милыми, чистыми, дружелюбными и любвеобильными существами, источающими приятный аромат и тратящими половину своих доходов на благотворительность (в данном случае я имею в виду

крыс с высокими доходами). Но та конкретная крыса, с которой пришлось иметь дело Эдди, не обладала ни одним из вышеперечисленных достоинств. Эта крыса жила в полном соответствии с девизом Приюта для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака.

Теперь пришло время сообщить вам, что это был за девиз, а заодно и рассказать о святом Вурдалаке. Святые — это, как правило, хорошие люди. Поэтому сначала поговорим о том, как становятся святыми.

Приведу один пример. Жил на свете парень по имени Кевин, который стал святым благодаря тому, что высунул руку из окна. Конечно, это только начало истории. Он высунул руку из окна — возможно, для того, чтобы помахать ею на прощанье своему дружку или узнать, не накрапывает ли дождь, — и на нее села птичка. По-видимому, она подумала, что это ее гнездо, и снесла яйца прямо на ладони у Кевина. Не могу сказать, почему она так подумала: то ли у Кевина была волосатая рука, то ли птичка отличалась близорукостью.

Как бы то ни было, птичка приняла его руку за гнездо, снесла яйца и стала их высиживать. Кевин ждал. Стоял и ждал,

боясь пошевелиться, чтобы не вспугнуть птичку. Он стоял до тех пор, пока из яиц не вылупились птенцы. Но это еще не конец истории. Ему пришлось простоять так, пока птенцы не оперились и не улетели. Только после этого Кевин позволил себе пошевелиться.

Конечно, вы готовы дать голову на отсечение, что первым делом он помчался в туалет. Ведь ему пришлось простоять неподвижно несколько недель с высунутой из окна рукой. Стало быть, за все это время Кевину ни разу не довелось посидеть на унитазах. Кроме того, вы можете себе представить, как у него разболелась рука. Вспомните, как устает рука, когда вы поднимаете ее на уроке и забываете вовремя опустить (это случается, когда за окном происходит что-то более интересное, чем вопрос учителя, на который вы собирались ответить). Короче говоря, Кевина причислили к лику святых.

Еще один хороший способ стать святым состоит в том, чтобы подвергнуться каким-нибудь ужасным мучениям, но не отречься от своей веры. Однако тут есть одна загвоздка: от человека, которого зовут святым Вурдалаком, вряд ли можно ожидать чего-нибудь хорошего. С этим именем плохо вяжется доброта, верность

своим убеждениям и тем более святость. И в этом заключена ужасная несправедливость.

Дело, видите ли, в том, что со временем имена меняются, иногда по ошибке. Однажды в море было обнаружено судно под названием «Мери Челеста», дрейфовавшее без команды на борту. Это было очень странно, и люди все еще говорят об этом судне и по сей день пишут о нем книги. И что же? В девяти случаях из десяти они называют его «Мария Челеста» (с «а» вместо «е» и дополнительной буквой «я» на конце). Даже в солидных справочниках и монографиях, написанных очень мозговитыми людьми в очках с сильным увеличением и с огромными лбами, вы прочтете имя «Мария Челеста»; но это неправильно. Между тем не так уж трудно выяснить, как на самом деле называлось это судно. Если вы обратитесь к первоисточникам и как следует пороетесь в старинных документах, то докопаетесь до правды. Но стоит кому-нибудь хотя бы однажды допустить ошибку, как ее начинают повторять за этим человеком бесконечное число раз (как говорят газетчики, *тиражировать*). И в результате неправда становится правдой.

Нечто подобное приключилось и со святым Вурдалаком. На самом деле его звали Вудро Лаки, что означает «Счастливчик Вудро». Но даже это не совсем верно. Его первое имя было Вирджин, но только не подумайте, что его называли так в честь штата Вирджиния, поскольку в то время Северную Америку еще не открыли; правда, индейцы так не считали, но много ли возьмешь с людей, полагавших, что можно прожить счастливо без Диснейленда и Макдоналдса? Так вот, когда он стал святым, его называли «святой Вирджин Вудро Лаки», но для краткости первое имя опустили, и получилось «святой Вудро Лаки», что, как я уже говорил, означает «Счастливчик Вудро».

Вудро действительно был счастливчиком. Он жил в те времена, когда короли носили дурацкие имена вроде Карл Смелый или Эдвард Вонючий, и был сыном дровосека. (Дровосеком была его мать. Исторические источники умалчивают о том, чем занимался его отец.) Если бы вы были в те времена сыном дровосека, то перед вами были бы открыты два пути: либо вырасти и тоже стать дровосеком, либо умереть в детском возрасте.

Умереть можно было от множества разных причин. Ваш лорд мог убить вас

за то, что вы наступили на его любимую клумбу; вас могли послать воевать против какого-нибудь богомерзкого народа (который мог оказаться вовсе не таким богомерзким, как ваш собственный лорд, но у вас не было возможности это проверить); вы могли умереть и от какой-нибудь не слишком серьезной болезни типа кашля или насморка из-за отсутствия хороших врачей и лекарств.

Вудро не умер в детском возрасте, но и не стал дровосеком. Он стал святым. Биографии святых частенько бывают, мягко говоря, не вполне достоверными, потому что, как правило, пишутся через много лет после якобы имевших место событий, но история о том, как Вудро стал святым, хорошо документирована.

Однажды Вудро повел свою козу на водопой (я не уверен, что козы в этом нуждаются, но поскольку это обстоятельство упоминается во всех источниках, я не решился о нем умолчать); он шел и думал о бородах. Возможно, он думал о них потому, что имел дело с бородатой козой. А может быть, дело было в том, что в те времена практически все мужчины носили бороды, так как никто еще не изобрел приличной бритвы (а если кто и изобрел, то никому об этом

не сказал). Как бы то ни было, Вудро думал о бородах, когда увидел у себя под ногами цветок.

Он нагнулся, сорвал цветок, поднес его к носу и понюхал — как раз в тот момент, когда на него села пчелиная матка. Пчелиная матка искала для своего роя новое пристанище, и если вы знаете хотя бы что-нибудь о пчелиных матках, то вам должно быть известно, что куда летит она, туда летят и все остальные пчелы. Поэтому не успел Вудро понять, что происходит, как огромный, многотысячный пчелиный рой расположился на его подбородке и устроил себе там что-то вроде улья. Издалека могло показаться, что у Вудро выросла большая борода.

Как раз в это время огромная вражеская армия показалась из-за холма, и ее полководец — в одних источниках его назы-

вают Саймоном Безобразным, а в других, более беспристрастных, Саймоном Некрасивым — поскакал на коне прямо к Вудро. Неприятельская армия только что высадилась на берегу, и Вудро был первым из местных жителей, кто с ней повстречался. Когда Саймон С Неприятной Внешностью увидел огромную гудящую бороду, которая меняла форму прямо у него на глазах, он развернул коня и в панике помчался прочь, увлекая за собой армию.

Предполагается, что он сказал при этом что-то умное типа: «Если в этой стране даже обыкновенные крестьяне имеют такие жуткие магические бороды, то каким же могуществом должен обладать их король!» Я подозреваю, что на самом деле он сказал: «Ребята! Сматываемся отсюда, пока целы!»

Что бы ни сказал Саймон, его армия покидала страну в такой спешке, что вся целиком взгромоздилась на один корабль, хотя захватчики прибыли на пяти судах. Естественно, все они пошли ко дну из-за перегрузки корабля.

Четыре пчелы — и в этом едины все источники — ужалили Вудро, после чего весь рой снялся с его подбородка и улетел (что бывает нечасто, коль скоро пче-

лы обосновались на новом месте), оставив Вудро с красным лицом и измятым цветком в руке. После этого происшествия его стали величать не иначе как святым Вудро Лаки. Слово «святой» добавили к его имени не только потому, что он спас свою родину от врага, но и оттого, что он спас ее таинственным образом; неудивительно, что по стране поползли слухи о «чуде». Обнаружился и свидетель происшествия — проходивший мимо монах, который подтвердил, что все так и было.

Остаток жизни Вудро провел в очень комфортабельной пещере под названием Эрмитаж, или Приют отшельника, выдавая по баночке меда навещающим его туристам. Все шло хорошо до тех пор, пока — через 300 лет после описываемых событий! — один журналист не допустил ошибку: вместо того, чтобы назвать Вудро «святым Вудро Лаки», он назвал его «святым Вурдалаком». И это имя закрепилось за Вудро настолько прочно, что через какое-то время уже все величали его не иначе как святым Вурдалаком. В результате те люди, которые ощущали в себе задатки упырей, вурдалаков и кровососов всех мастей, стали считать его

своим святым покровителем. По-видимому, по этой причине его имя и было присвоено Приюту для Благодарных Сирот.

Девиз этого приюта гласил: «Работай из последних сил. Живи в грязи. Будь несчастлив». Судя по тому, что успел увидеть Эдди (включая крысу), жизнь в приюте была организована в строгом соответствии с этим девизом. Кроме крысы, кровати и, естественно, его самого, в комнате находилась еще одна вещь, о которой я, кажется, уже упоминал. Речь идет об огромной книге, на переплете которой было вытиснено потускневшими золотыми буквами «ПРАВИЛЬНАЯ КНИГА».

Поскольку в те времена под этим названием была известна Библия, Эдди почти не сомневался, что это она и есть. Каково же было его изумление, когда он открыл книгу и обнаружил в ней множество красочных картинок с... Попробуйте сообразить. Держу пари, что вы ни за что не догадаетесь.

На картинках была изображена еда. Там можно было увидеть торты с трюфелями, фруктовые салаты и все такое прочее — словом, те лакомства, от которых текут слюнки, как только вы о них поду-

маете. В наше время такая книга называлась бы «КНИГА О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ».

Взглянув на картинки, Эдди понял, что очень голоден; а ведь он провел в приюте всего несколько часов. Он подумал о том, как, должно быть, мучаются здесь другие дети — настоящие сироты, — если у них в комнатах есть такие же книги. Ведь это сущая пытка — смотреть на аппетитные лакомства (особенно на те из них, которые покрыты шоколадной глазурью или кремовыми розами, украшенными сочными вишенками), зная, что тебе не дадут поесть ничего, кроме каши из затвердевшего крахмального клея или супа из вареных ошметков износившейся кожаной обуви. (Когда Эдди вытащили из мешка, его провели через кухню, которая располагалась на пути к его комнате, так что он получил представление о том, что его ожидает по части еды.)

На некоторых картинках виднелись следы зубов, а кое-какие из них были съедены под самый корешок книги. Эдди представил себе, как мальчик-сирота, живший в этой комнате до него, съедает картинку с пудингом вместо самого пудинга. Должно быть, он здорово проголодался. Разумеется, вы уже догадались,

что в этой комнате жил тот самый мальчик, который действительно сбежал из приюта и за которого приняли нашего героя Эдди Диккенса.

Эдди не повезло: мешок, в котором его доставили в приют, был таким грязным (по-видимому, раньше в нем хранили уголь), что, когда мальчика вытащили из него, он и сам не узнал бы собственного отражения в зеркале. Похоже, никто из персонала не заметил, что в приют был доставлен не тот мальчик. И у него не было никаких оснований надеяться, что безумный дедушка и безумная бабушка вызволят его отсюда. Так что же делать?

Когда Эдди стал склоняться к мысли, что его положение безнадежно, послышался скрежет ключа в замке и дверь отворилась. Весь дверной проем заполнила женщина — самая большая из всех представительниц женского пола, которых ему довелось повидать на своем веку.

Эдди поднял голову и окинул ее взглядом.

— Как поживаешь? — спросила она, грозно сверкая жестокими красными глазами.

— Так себе, — ответил Эдди. — Видите ли, произошла ужасная ошибка...

Женщина ударила его по голове огромной деревянной ложкой.

— КАК ПОЖИВАЕШЬ? — повторила она вопрос, но на этот раз заглавными буквами.

— Ой-ой-ой. Меня зовут Эдди Диккенс. Произошла ужасная ошибка, — пролепетал Эдди, потирая бисто растущую на голове шишку.

— Тебе прекрасно известно, что ты должен отвечать «Доброе утро, добрый день или добрый вечер, миссис Жестокосердая» каждый раз, когда имеешь удовольствие меня видеть, — проговорила женщина.

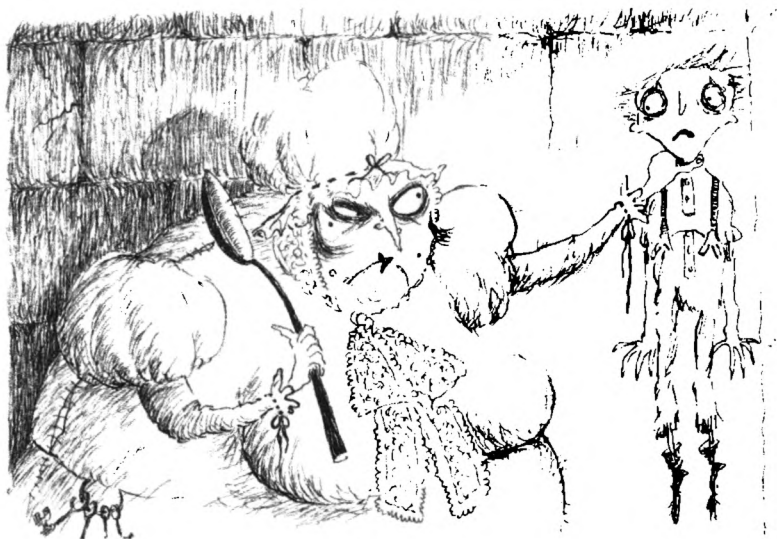
Она произнесла эти слова с таким видом, будто была королевой Англии, но ее голос напоминал голос крысы, заговорившей на человеческом языке.

— Доброе утро, добрый день или добрый вечер, миссис Жестокосердая, — протараторил Эдди. — Меня зовут Эдди Дик..

Эдди не смог закончить фразу, так как огромная рука обхватила его вокруг шеи и подняла так высоко, что он стукнулся головой о потолок.

— Что у тебя за манеры, мальчик? — прорычала миссис Жестокосердая, от-

бросив претензии на то, чтобы быть королевой чего угодно, кроме этого гиблого места. — Неужели ты действительно решил, что сможешь отсюда убежать? Всерьез понадеялся, что избавишься от моей опеки?

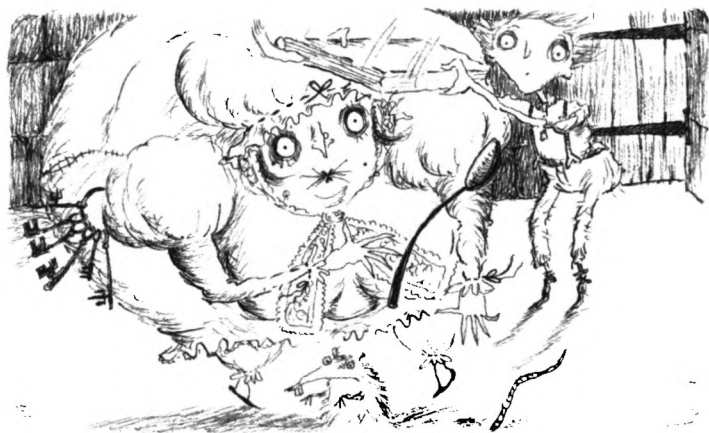

Эдди и рад был бы объяснить, что он и не думал ниоткуда сбегать, но смог выдавить из себя только невнятное «ффррллххх», что заставило его вспомнить о своей дорогой матушке, которая вечно набивала рот луком или сосала кубики льда в форме знаменитого генерала. Горькие слезы покатились по его щекам.

Глубоко удовлетворенная тем, что заставила мальчика заплакать, миссис Жестокосердая ослабила хватку вокруг шеи Эдди, и мальчик мешком упал на пол.

После этого женщина нагнулась и ласково погладила крысу между ушами — точно так же, как мы с вами погладили бы кошку. Это была ошибка с ее стороны, потому что Эдди, в отличие от других мальчиков, которые провели в Приюте для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака долгие годы, не был истощен скудным питанием и изнурен непосильным трудом, а главное, не утратил надежду на спасение. Человек, сумевший пережить поездку в экипаже с Безумной Тетей Мод и ее неподвижным горностаем, не мог позволить этой дылде испортить себе жизнь.

Не тратя времени на раздумья, он обеими руками схватил «ПРАВИЛЬНУЮ КНИГУ», поднял ее как можно выше и что было мочи саданул ею миссис Жестокосердную по голове. На лице женщины отразилось чувство крайнего недоумения и искреннего изумления, быстро сменившееся выражением беспамятства: миссис Жестокосердая потеряла сознание и повалилась ничком на испуганную крысу.

Эдди решил ковать железо, пока горячо. Выскочив в коридор, он прикрыл снаружи дверь своей комнаты — давайте честно признаем, что на самом деле это была тюремная камера, вы согласны? — и повернул ключ в замке. Ключ был насажен на большое железное кольцо, на котором болтались также и десятки других ключей. Имея в своем распоряжении столько ключей, он сможет отпереть чуть ли не все комнаты Приюта имени святого Вурдалака! Он сможет проникнуть во все помещения и пройти приют насквозь. Он сможет освободить кого угодно. Да, именно этим он сейчас и займется. Освободит всех сирот и организует массовый побег!

Дело близится к развязке

Эпизод 11,

*в котором мы лишний раз убеждаемся,
что хорошо все то, что хорошо кончается*

Прошло меньше часа с той минуты, когда Эдди запер миссис Жестокосердую в своей комнате, но за это время в приюте произошли невероятные перемены.

Обычно Приют святого Вурдалака производил впечатление такого мрачного места, что вы предпочли бы провести жизнь в гробу или съесть собственную ногу, слегка подсоленную и приправленную перцем, чем в нем поселиться. Но теперь все изменилось.

Здесь зазвучал смех, стены приюта огласились радостными криками и громкими возгласами сотни неопрятных

детей, которые легко могли бы сойти за трубочистов на костюмированной вечеринке. Они вырвались из заточения и с дикими воплями носились по всему приюту, в котором почувствовали себя хозяевами.

Девочки и мальчики, которых всю жизнь приучали к тому, что они «должны быть благодарными», выполняя непосильную работу и не имея времени на развлечения, теперь ощутили, что главное в жизни — это радость. Из этого не следует, что они сумели бы прочесть слово «радость», если бы встретили его в какой-нибудь книжке. Обучение чтению и письму было строжайше запрещено в приюте. Считалось, что книги могли оказать на детей дурное влияние.

Да и зачем сироте уметь читать и писать? В нем следовало воспитать всего три навыка: хорошо себя вести, уважать старших и как можно меньше есть.

По правде говоря, первым местом, куда устремились освобожденные сироты, была кухня. Но они помчались туда вовсе не для того, чтобы поесть. Ведь на кухне не было ничего такого, что мы с вами сочли бы за нормальную еду. Нет,

дети заполнили кухню, как муравьи — коробку с подгнившими фруктами, чтобы сказать Повару все, что они о нем думают.

Поваром в приюте служил крупный мужчина, на лице которого было больше бородавок, чем на спине у жабы. Дети подняли его на руки, словно он весил не больше, чем тряпичная кукла — вы, конечно, помните: детей было не меньше сотни, — перевернули его вверх ногами и окунули головой в огромный котел с бурлящей овсяной кашей. Вот и все, что думали о нем дети.

Вы, наверное, расстроитесь, когда узнаете, что Повар не только пережил это испытание, но и полностью избавился от бородавок. Однако в тот миг, когда его окунали головой в кашу, Повар еще не знал, что все так хорошо кончится. Единственное, что было доступно его пониманию, — это то, что мерзкие маленькие дети, которым полагалось находиться взаперти в своих камерах — извините, комнатах, — окончательно распоясались и окунули его в бурлящий котел. Повар очень испугался, и ему хотелось только одного: чтобы дети поскорее ушли. И они ушли.

Армия сирот ощутила вкус победы, но, как и любая армия, она нуждалась в оружии. Его не пришлось долго искать: всем было ясно, что не бывает лучшего средства нападения и защиты, чем знаменитые огурцы, выращиваемые на огороде Приюта для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака. Это были необычные огурцы. Самое худшее, что вы можете сказать об обычном огурце, — это то, что он безвкусный или, на худой конец, горький; в таком случае им можно испор-

тить сандвич. Случается и такая неприятность, что тонкий ломтик огурца прилипает к вашему нёбу.

Но все вышесказанное не имеет никакого отношения к огурцам святого Вурдалака. Это, как говорится, совсем другой коленкор. Впрочем, это всего лишь фигура речи. Точно так же если вы скажете о ком-нибудь, что он не вашего поля ягоды, то вы не будете иметь в виду ни настоящего поля, ни реальной ягоды, и из того, что я упомянул о коленкоре, вовсе не следует, что огурцы имени святого Вурдалака были коленкоровыми. Я употребил это образное выражение только для того, чтобы дать вам понять, что эти огурцы были не похожи на обычные овощи.

Поскольку огурцы произрастали на каменистой, плохо поддающейся обработке почве огорода имени святого Вурдалака, они были необычайно твердыми. По сути дела, их почти невозможно было разрезать. Они были словно каменные, и для того чтобы сделать их пригодными к употреблению, эти огурцы нужно было положить в воду, довести до кипения и тушить около сорока семи минут, время от времени помешивая.

Однако в намерения армии освобожденных сирот вовсе не входило класть

огурцы в воду, доводить до кипения и тушить около сорока семи минут, время от времени помешивая.

Сироты были даже рады, что огурцы такие твердокаменные, потому что из них получались очень хорошие дубинки — наподобие тех, что были на вооружении у полицейских, которых, если вы помните, называли в те времена пилерами.

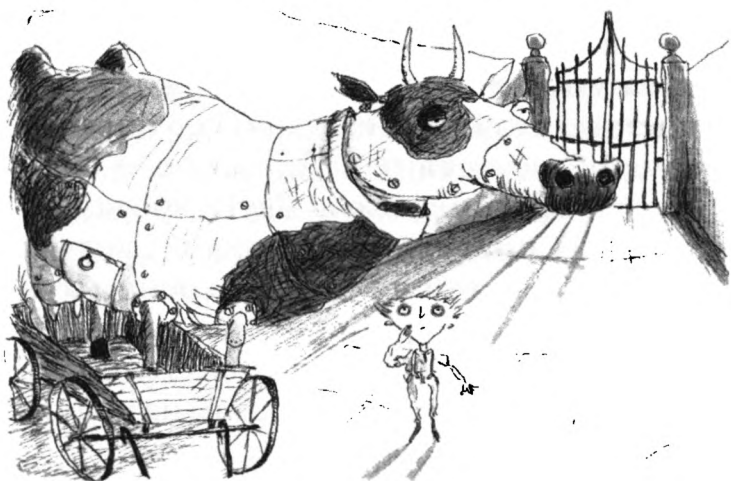
Возвращаясь к Эдди Диккенсу, зададимся вопросом: чем он занимался все это время? Вооружался огурцами? Окунал в котел с овсяной кашей перевернутого вниз головой Повара? Нет, нет и нет. Эдди занимался разработкой следующего этапа своего Плана действий.

Ведь одно дело — выпустить благодарных сирот из комнат-казематов, и совсем другое — помочь им выбраться из стен приюта. Конечно, приятно поквитаться с обидчиками, свести счеты со всеми, кто долгие годы измывался над несчастными сиротами, но Эдди был выше этого. Он должен был вывести ребят из этого жуткого, наводящего ужас приюта и спрятать их в таком месте, где их не смогли бы найти и вернуть обратно.

Вот почему Эдди находился сейчас в саду, огороженном с трех сторон высокими каменными стенами, а с четвертой —

массивными коваными воротами, запертыми на огромный висячий замок. Эдди размышлял не о том, как открыть ворота, поскольку был уверен, что один из ключей на связке подойдет к замку. Он сосредоточил все свое внимание на странной штуковине, стоявшей во дворе. Это была огромная платформа.

Должен сразу предупредить, что я имею в виду не железнодорожную платформу, на которой толпятся пассажиры в ожидании электрички, а также не ту платформу, на которой стоит та или иная политическая партия (пока не победит на выборах). Я имею в виду платформу на колесах, которую используют на карнавалах. На этой платформе стояла гигантская корова из фанеры.

По правде говоря, я не слишком удивлюсь, если какой-нибудь смышленный читатель задаст мне вопрос на засыпку: «Что делает карнавальная платформа с коровой из фанеры во дворе сиротского приюта?» Уверен, что и меня самого заинтересовал бы этот вопрос, если бы я читал эту книгу, а не писал ее. Что ж, я вам отвечу.

Но начать придется издалека. Прежде всего, вам следует знать, что цель учреждения сиротского приюта состояла в том, чтобы супружеская чета Жестокосердых заработала на нем как можно больше денег. Однако учредители не могли признать это открытым текстом. Поэтому они были вынуждены пудрить мозги достопочтенной публике, утверждая, что приют предназначен для облегчения жизни несчастных сирот. В те времена многие граждане придерживались мнения, что строгие правила, упорный труд и отсутствие возможности ежедневно принимать душ идут сиротам на пользу. Справедливости ради следует признать, что те же люди искренне возмутились бы, если бы узнали, что супругов Жестокосердых меньше всего на свете волновало, что идет сиротам на пользу, а что нет.

Приют для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака существовал за счет благотворительности. Это означает, что люди, которые действительно жалели сирот или хотели, чтобы другие люди думали, что они их жалеют, платили супругам Жестокосердым деньги за то, что они заботились об этих несчастных детях. На самом же деле Жестокосердые тратили почти все пожертвованные деньги на свою собственную дочь Анжелу и на себя. Сиротам не доставалось почти ничего, но почтенная публика этого не знала.

Когда какое-нибудь учреждение существует за счет благотворительности, оно должно устраивать мероприятия, призванные увеличить количество пожертвований. Для этой цели и была сооружена карнавальная платформа на колесах со стоящей на ней гигантской коровой из фанеры. Почему именно коровой? Дело вот в чем. В течение многих столетий на деревню смотрели как на довольно опасное место, изобилующее волками и грабителями с большой дороги, норовящими задать вам свой излюбленный вопрос: «Кошелек или жизнь?» Поэтому наиболее способные и энергич-

ные люди предпочитали жить в городах или, на худой конец, в поселках городского типа.

Однако с некоторых пор возникло умонастроение, согласно которому деревенский воздух идет на пользу вашему здоровью. Одним из главных доводов, почему нужно ехать в деревню, служила также предполагаемая польза от коровьего молока. Поэтому господа Жестокосердые заставили своих рабов — простите, детей-сирот — соорудить карнавальную платформу на колесах и оформить ее таким образом, чтобы у людей создалось впечатление, будто Приют святого Вурдалака — восхитительное место в доброй старой деревушке, где счастливые маленькие дети наслаждаются жизнью, то есть дышат свежим воздухом и пьют парное молоко. Согласитесь, что на такой приют вы и сами с удовольствием пожертвовали бы немного денег. Короче говоря, платформа использовалась для проведения рекламной кампании, призванной пополнить кассу приюта.

Менее чем через двадцать три с половиной минуты после того, как Эдди увидел гигантскую корову на колесах и обнаружил, что внутри она полая, он собрал

во дворе всех приютских сирот и разместил их в коровьем брюхе.

Некоторых из детей пришлось еще уговаривать покинуть приют, особенно тех, которых Эдди застал в кабинете мистера Жестокосердного. Эти ребятишки заставляли своего заведующего есть промокательную бумагу. Вняв увещеваниям Эдди, они оставили мистера Жестокосердного в покое, предварительно привязав его к письменному столу при помощи бархатных портьер и заткнув ему рот массивным пресс-папье. Сироты правильно рассудили, что теперь он не скоро сможет позвать на помощь. В таком виде мистер Жестокосердый стал очень похож на кабана с печеным яблоком во рту, поданного к столу на средневековом пиру.

Когда удалось наконец запихнуть всех ребят внутрь полой коровы, Эдди стал поспешно запрягать в платформу лошадь, обнаруженную им на приютской конюшне. При первом же взгляде на нее становилось ясно, что хозяева заботились об этой лошади гораздо больше, чем о детях-сиротах. Во всяком случае, ее лучше кормили: Эдди нашел в конюшне свежий отборный овес и пудинг трех сортов, а также коллекцию элитных вин.

Наконец все было готово. Правда, Эдди пришлось еще перепробовать несколько ключей, прежде чем он нашел ключ от ворот. Так что к тому времени, когда они смогли тронуться в путь, уже стемнело, но и при лунном свете можно было сориентироваться. Распахнув ворота настежь, Эдди вскочил на спину лошади, и гигантская корова на колесах сдвинулась с места.

На следующее утро двоюродная бабушка Эдди Безумная Тетя Мод проснулась в плохом настроении. По какой-то причине они с мужем, Безумным Дядей Джеком, провели эту ночь в экипаже, а не в какой-нибудь из местных придорожных гостиниц. Сколько Тетя Мод ни старалась, она так и не смогла вспомнить, отчего это произошло.

У нее было смутное ощущение, что причина, по которой они испытывали неудобства, как-то связана с китайской императрицей. Или с актером-импресарио мистером Памблснуком. «Если хорошенько подумать, то не окажутся ли они одним и тем же лицом? — спрашивала себя Безумная Тетя Мод и не находила ответа. — Кажется, мистер Памблснук выдавал себя за китайскую императрицу,

а Эдди — за мальчика-сироту? Кстати, куда подевался Эдди? Что произошло с этим милым мальчиком? Ах, да! Оказалось, что он был вовсе не их внучатым племянником, а беглым сиротой. Вот его и увел с собой пилер. Но, что там ни говори, все как-то перепуталось».

Тетя Мод и в лучшие времена нередко испытывала легкое головокружение по утрам, но сейчас ей казалось, что земля ходит под ней ходуном. А где Малькольм? Что случилось с ним? Тетя Мод лихорадочно обвела взглядом внутреннее пространство экипажа, освещенное лучами неяркого утреннего солнца. Увидев горностаю, она успокоилась, участившееся сердцебиение пришло в норму. Слава богу, Малькольм на месте, целый и невредимый.

— Доброе утро, Малькольм! — произнесла она с явным облегчением.

— Меня зовут Джек, — отозвался Безумный Дядя Джек, пробуждаясь от легкой дремоты.

— Я говорю со своим горностаем, — пояснила Безумная Тетя Мод.

Ночью волосы горностаю вывалились из ее ушей, и у нее полностью восстановился слух. Однако у Тети Мод ужасно разболелась шея, да и головокружение не

прекращалось — видимо, оттого, что ей пришлось спать сидя. Она чувствовала себя так, словно кто-то воткнул в ее шею булавку.

— Но я думал, что твоего горностая зовут Салли, — заметил ее муж. — Я всю жизнь называл ее Салли. Салли Горно-стай.

— Во-первых, это мальчик, а во-вторых, его имя Малькольм, — стояла на своем Мод.

— Ты никогда не перестаешь удивлять меня, женушка, — с нескрываемой гордостью проговорил Безумный Дядя Джек. Вытащив булавку из ее шеи, он поцеловал жену в то место, из которого она только что торчала.

Боль прошла почти мгновенно.

— Как она там оказалась? — поинтересовалась Безумная Тетя Мод, имея в виду булавку.

— Ночью ты сильно храпела, и китайская императрица воткнула ее в тебя, — объяснил Безумный Дядя Джек. — Эти китаянки владеют всеми тайнами Востока. Императрица назвала свои манипуляции иглоукалыванием.

— Это помогло? — поинтересовалась Безумная Тетя Мод.

— Да, но только после того, как ты перестала стонать, а нам удалось остановить кровотечение, — сказал Дядя Джек. — Меня удивляет, что ты этого не помнишь.

— Должна признаться, что я чувствую себя сегодня словно бы одурманенной, — сообщила Безумная Тетя Мод. — Честно говоря, я многого не помню. Например, куда подевалась императрица?

Джек посмотрел куда-то вниз. Проследив за его взглядом, Безумная Тетя Мод увидела, что мистер Памблснук спит между сиденьями на полу экипажа.

— Это тоже китайский обычай? — спросила Тетя Мод.

— Скорее нехватка пространства, — ответил ее муж. — А теперь, если не возражаешь, я выйду на свежий воздух.

С этими словами Безумный Дядя Джек переступил через спящего актера-импресарио, открыл дверцу и выбрался на дорогу. Попробуйте догадаться, кого он перед собой увидел.

Не правы будут те из вас, кто скажет: «Гигантскую полую корову на колесах». Безумный Дядя Джек столкнулся нос к носу с родителями Эдди. У мистера и миссис Диккенсов были слегка закопченные лица, а одежда тут и там зияла прожжен-

ными дырами. Однако вовсе не это бросилось в глаза Безумному Дяде Джеку прежде всего.

— Вы больше не желтые! — воскликнул он с искренним изумлением.

— Нет, — улыбнулся мистер Диккенс.

— И вы совершенно не расплывчатые по краям, — констатировал Безумный Дядя Джек, не в силах опомниться от удивления.

Он замер и втянул ноздрями своего попугаеобразного носа свежий утренний воздух.

— И от вас не пахнет застоявшейся в грелках водой! — отметил он с восторгом.

— НЕТ! — воскликнули хором мистер и миссис Диккенсы с широкими улыбками на лицах. — Доктор Маффин просто гений. Он вылечил нас. Для этого ему пришлось всего лишь спалить наш дом и все, что в нем находилось. Как выяснилось, комбинация химических элементов, входивших в состав дыма, в котором мы чуть не задохнулись, — это именно то, что нам было нужно. Теперь мы чувствуем себя просто превосходно. И считаем, что дешево отделались.

— Великолепно... Просто великолепно, — проговорил Безумный Дядя Джек,

приглаживая волосы, топорщившиеся после ночи, проведенной в экипаже. — Но что привело вас сюда?

— Мы приехали, чтобы забрать Эдди, — пояснил мистер Диккенс. — Мы боялись, что к этому времени вы уже прибудете в Беспросветный Тупик, но нам повезло, и мы догнали вас на полдороге.

— Эдди? — Безумный Дядя Джек сморщил лоб с таким видом, словно пытался припомнить, где оставил свои очки или маленький кусочек недоеденного сыра.

— Наш сын, — мягко намекнула ему миссис Диккенс. Поскольку у нее во рту не было ни сыра, ни кубика льда в форме знаменитого генерала, ее слова прозвучали совершенно отчетливо. — Теперь, когда мы здоровы, вам больше не придется о нем заботиться.

— Это точно, — подтвердил мистер Диккенс.

— Ах, вот вы о чем. Понимаю, — сказал Безумный Дядя Джек. — Загвоздка в том, что вы ошиблись. Мальчик, которого вы поручили нашим заботам, оказался не вашим сыном Эдмундом, а беглым сиротой. Он сам в этом признался. Теперь я вспомнил это абсолютно точно.

— Это был не Джонатан? — с удивлением спросила мама Эдди. — Странно. Я уверена, что смогла бы отличить своего сына от чужого.

— Да, как-то нескладно все получилось, — вынужден был признать Безумный Дядя Джек.

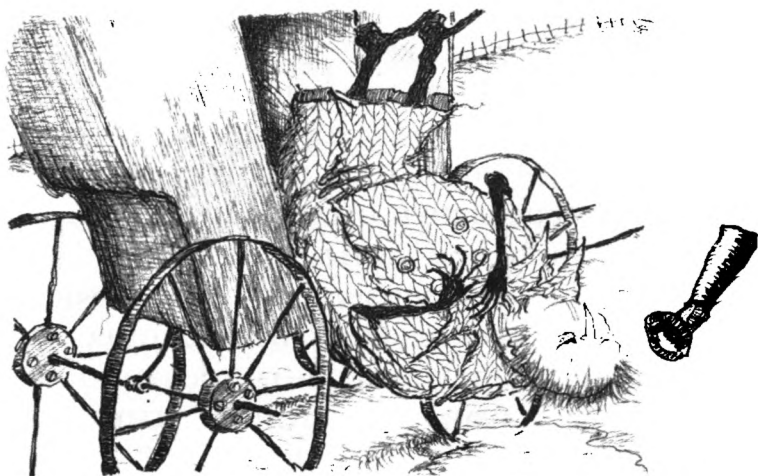
В это мгновение мистер Памблснук выкатился из экипажа, со стуком упал на дорогу и пробудился с театральным рыком.

— КТО ПОСМЕЛ ВЫДВОРИТЬ МЕНЯ ИЗ СОБСТВЕННОЙ ПОСТЕЛИ? — проревел он заглавными буквами, тем самым голосом, каким говорил, когда играл роль придворного доктора Помпезиуса в пьесе «Тайны испанской короны», после чего с поразительной резвостью вскочил на ноги.

Мама и папа Эдди встретили мистера Памблснука впервые в жизни; поэтому они немного оробели, увидев представительного мужчину с выпяченной грудью, гулким голосом и довольно странными манерами.

— Китайская императрица. Родители Эдди, — представил их друг другу Дядя Джек. — Похоже, Эдмунд был и в самом деле Эдмундом, — сказал он актеру. — Печальное недоразумение.

— На самом деле меня зовут Памблснук, — пояснил мистер Памблснук. — Просто вчера я был в образе китайской императрицы. Для меня большая честь познакомиться с родителями мистера Эдмунда, мальчика с большими способностями...

— Простите, что я вас прерываю, — прервала его миссис Диккенс, — но где наш мальчик сейчас?

— В каком-то сиротском приюте, — сообщил Безумный Дядя Джек. — Святого Ужаса? Святой Жути? Святой Мути? Боюсь, что не вспомню. Но я бы на вашем месте не волновался. Вы всегда можете завести себе нового малыша.

— Нового малыша? — изумился мистер Диккенс.

— Другого мальчика, — подтвердил Безумный Дядя Джек.

— Ну да, — кивнул отец Эдди.

— Что привело вас в эту лесную глушь, господа? — спросил у родителей Эдди мистер Памблснук, отряхая пыль со своего камзола тем самым носовым платком, который произвел такое незабываемое впечатление на мальчика, когда тот впервые увидел актера-импресарио на конюшне придорожной гостиницы «Придорожная гостиница».

— Мы поручили Эдмунда попечению дорогого дяди и дорогой тети, потому что заболели и испугались, что он заразится от нас... — начала миссис Диккенс.

— Но теперь мы выздоровели, — продолжил мистер Диккенс, — и мальчику больше незачем оставаться вдали от нас. Поэтому мы приехали забрать его домой. Мы сели на поезд, но сошли на предыдущей станции, потому что решили пройти пешком несколько миль, оставшихся до Беспросветного Тупика, по этой, как вы изволили выразиться, лесной глуши. И тут нам повезло: мы почти сразу наткнулись на ваш экипаж.

Мистер Памблснук стер оставшуюся грязь со своего камзола, встряхнул платок и драматическим жестом положил

его обратно в верхний карман камзола. Когда актер отвел руку в сторону, кончик платка торчал из его кармана как некий экзотический цветок.

— А как вам удалось исцелиться? — спросил он с живейшим интересом.

— Это заслуга нашего замечательного врача. Доктор Маффин поджег наш дом, когда мы там находились, — пояснила миссис Диккенс, которую распирало от гордости. — Дом сгорел дотла. Мы так и не поняли, что на нас подействовало: то ли боязнь сгореть заживо, то ли благотворное воздействие дыма на организм. Как бы то ни было, доктор Маффин нас вылечил.

— Потрясающая история! — воскликнул мистер Памблснук, по-видимому, действительно потрясенный. — Но у меня остался еще один вопрос.

— Неужели? — хором произнесли Диккенсы.

— Вы сказали, что молодому мистеру Эдмунду незачем оставаться теперь в Беспросветном Тупике, не так ли?

— Да, — кивнули Диккенсы.

— И он может вернуться с вами домой? Диккенсы снова дружно кивнули.

— Но разве вы минуту назад не сообщали о том, что ваш дом, по вашим соб-

ственным словам, если память мне не изменяет... сгорел дотла?

Мистер Диккенс посмотрел на жену, а та — на мужа.

— Боже правый! — воскликнула она. — Мы об этом как-то не подумали.

Мать Эдди издала жалобный стон и упала в обморок. Мистер Диккенс решил, что лучший способ привести жену в чувство — это наполнить ее рот желудями. Желуди упоминались в одном из давних Предписаний доктора Маффина, и, ощутив их у себя во рту, миссис Диккенс немедленно пришла в себя.

Тем временем из экипажа наконец показалась Безумная Тетя Мод. Крепко зажав под мышкой неподвижного горноста, из носа которого торчала булавка, она обошла вокруг коляски и остановилась в недоумении.

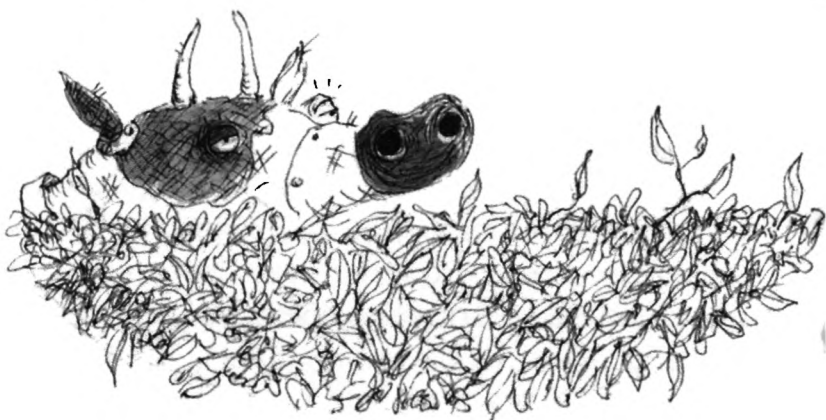
Безумная Тетя Мод пыталась вспомнить, что заставило их провести ночь в экипаже вместо того, чтобы проехать несколько миль, оставшихся до Беспросветного Тупика. И ей это удалось. Конечно! У них, как всегда, пропала лошадь. Но на этот раз дело было не в том, что Безумный Дядя Джек забыл ее в ванной или еще как-нибудь отличился в этом плане.

Просто вчера вечером лошадь унеслась, умчалась прочь, слиняла, отвалила — назовите это как угодно. К счастью для Безумного Дяди Джека, сидевшего на козлах, и для пассажиров, находившихся внутри, лошадь смылась, когда непостижимым образом выпряглась из экипажа. Она убежала прежде, чем Безумный Дядя Джек успел схватить под уздцы испуганное животное. Как поется в популярной песенке: «Вот и все, что было, вот и все, что было: от меня сбежала рыжая кобыла».

Самые внимательные читатели заметили, что я назвал лошадь испуганным животным. Вам, должно быть, интересно узнать, кто ее так напугал? Может быть, преданные слуги Диккенсов Бормотунья Джейн и Доукинс? Должен признать, что вид у них был действительно устрашающий. Дело в том, что они ехали на одном поезде с родителями Эдди, но, будучи слугами, не имели права сидеть в вагоне и всю дорогу провисели на подножке. По этой причине они были покрыты пылью, синяками от столкновений с телеграфными столбами и колючками репейника, застрявшими у них в волосах. Но нет, они появились на сцене только наутро.

А я говорю о том, что испугало лошадь Безумного Дяди Джека накануне вечером.

Безумная Тетя Мод вспомнила, что это было.

Вчера вечером она увидела в поле за забором самую большую и самую красивую в мире корову. Достаточно было одного взгляда на это животное, чтобы Тетя Мод безумно его полюбила. В ее душе пробудились воспоминания о той любви с первого взгляда, которая охватила ее когда-то при виде Малькольма, лежавшего на полке в зоомагазине среди чучел животных.

И что же? Корова до сих пор была на прежнем месте, в поле за забором!

Все окружающее просто перестало существовать для Безумной Тети Мод. Не

обращая внимания ни на какие препятствия, она ринулась к корове напрямик через заросли кустарника и вскоре добралась до забора, за которым находилось это великолепное животное. Приподнявшись на цыпочки, Мод едва дотянулась до черной морды коровы, стоявшей на карнавальной платформе, и ласково погладила свою новую подругу по носу.

— Привет, — сказала она. — Я буду звать тебя Марджори.

Безумная Тетя Мод двинулась вдоль забора к калитке. Открыв ее, она получила возможность рассмотреть Марджори поближе.

Сказать, что родители Эдди очень удивились, когда Безумная Тетя Мод возникла перед ними в сопровождении их сына и толпы маленьких трубочистов, — это значит ничего не сказать.

Миссис Диккенс кинулась вперед, чтобы прижать сына к своей материнской груди.

— Детыпродал?! — произнесла она. Следует иметь в виду, что у нее был полон рот желудей. Как в доброе старое время. Я думаю, она спросила: «Где ты пропал?»

Между тем Безумная Тетя Мод, ничуть не растроганная этой сценой, выглядела весьма озабоченной. И даже сердитой.

— Я видела, как они вылезали из коровьего брюха, — объявила она тоном строгого осуждения. — Если хотите знать мое мнение, то это форменное безобразие. Марджори спокойно стояла себе на платформе и никого не трогала. И вот на тебе: из нее вываливается целая толпа маленьких оборванцев!

Но никто — включая Эдди — ее не слушал. Мальчик так обрадовался, увидев своих родителей живыми и здоровыми, что не слишком огорчился, когда узнал, что их дом сгорел дотла. Что касается мистера Памблснука, то актер-импресарио очень воодушевился при виде толпы сирот.

— Молодая кровь! — воскликнул он. — Вот чего так недостает нашему театру! Вот в чем нуждается руководимая мною труппа бродячих актеров. В молодой крови! Вы, дети, — наше будущее. У меня голова идет кругом, когда я думаю, какие пьесы можно поставить, заняв вас в массовых сценах. Публика будет неистовствовать от восторга! Думаю, мы начнем с репетиции сцены убийства Юлия Це-

заря в одноименной пьесе Уильяма нашего Шекспира!

Беглые сироты, которые прекрасно выпалились в брюхе гигантской коровы (никто из них даже не проснулся, когда лошадь Дяди Джека с диким ржанием сбежала при виде монстра за забором), чувствовали себя бодрыми и свежими. Они не имели ни малейшего понятия, о чем толкует мистер Памблснук, поскольку даже не догадывались, что он был актером-импресарио, но при упоминании убийства все как один взмахнули огурцами с огорода святого Вурдалака, и на голову мистера Памблснука посыпался град ударов.

— Великолепно! — воскликнул он, заслоняясь руками от огурцов и сияя от восторга. — Вы необычайно талантливы! Вам доступны порывы истинного вдохновения!

* * *

По сути дела, здесь можно было бы поставить точку, и, хотя эта история называется «Беспросветный Тупик», путь к этому дому не стал для Диккенсов тупиковым, да и тупик оказался не таким уж беспросветным. Поскольку их дом сгорел,

семейство Диккенсов отправилось в Беспросветный Тупик в надежде найти там временное пристанище, пока не будет заново отстроен их собственный дом. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временные меры, и Диккенсы — а точнее, их потомки — живут в Беспросветном Тупике и по сей день.

Беглые сироты действительно влились в труппу мистера Памблснук и стали странствующими актерами. Несмотря на то, что их дико раздражали некоторые привычки и особенности речи миссис Памблснук, которая с упорством, достойным лучшего применения, продолжала расковыривать свои прыщи и складывать ошметки кожи в карман, эта жизнь вполне устраивала сирот. Состоять в труппе передвижного театра очень удобно в том отношении, что при этом ты всегда в пути. В те благословенные времена пилеры не имели обыкновения проверять документы у бродячих актеров, поэтому сироты чувствовали себя в полной безопасности. Некоторые из них, когда выросли, стали очень хорошими актерами, и если вы относитесь к числу пожилых людей, то, возможно, даже знаете их имена.

Безумному Дяде Джеку вскоре надое-
ло делить кров с Эдди и его родителями,
и он построил себе в саду дом в виде раз-
весистого дерева. Он соорудил этот дом
из вяленой рыбы, не использованной
для оплаты счетов за гостиницу. Пона-
чалу у него возникли кое-какие трудно-
сти с соседскими котами, но вскоре вы-
яснилось, что, если обмазать рыбу кре-
озотом (который используется для пре-
дохранения деревянных заборов от
гниения), коты теряют к ней всякий ин-
терес.

Безумная Тетя Мод тоже жила в саду
Беспросветного Тупика, или, если быть
совсем уж точным, она жила внутри
Марджори в саду своего бывшего дома.
Разумеется, вместе с Малькольмом, не-
подвижным горностаем. Когда она
умерла в возрасте 126 лет, ее похорони-
ли внутри Марджори под клумбой с ро-
зами. Там она и пребывала на протяже-
нии восьмидесяти двух лет, пока корову
не выкопали, чтобы освободить место
для бассейна.

Вам, конечно, не терпится узнать, что
сталось с Эдди, героем этой истории. Ска-
жу одно: его приключения на этом не за-
кончились. Жизнь припасла немало

сюрпризов для Эдмунда Диккенса, освободителя сирот из Приюта святого Вурдалака. Но, как любят говорить хорошие писатели, это уже совсем другая история.

КОНЕЦ
на этот раз

Содержание

Предисловие автора

3

Распавчатые по краям

5

Еще Более Безумная Мог

19

Мистер Памбаснук

37

Снова в пути

46

**Необходимые сведения
об огнестрельном оружии**

59

Приют святого Вурдаака

74

Освобождение!

88

Опасный эксперимент

105

Серьезное недоразумение

116

Книга о Вкусной и здоровой пище

142

Дело близится к развязке

159

Вниманию москвичей!

ЛУЧШИЕ КНИГИ –
ПО ЛУЧШИМ ЦЕНАМ!

СЕТЬ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ
ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ

«ЧИТАЙ-ГОРОД»

*Здесь же вы можете приобрести канцтовары,
аудио-, видеопroduкцию, игрушки.*

- Книжный салон «ЧИТАЙ-ГОРОД»
м. «Новослободская», м. «Менделеевская»,
ул. Новослободская, д. 21. Тел.: 933-70-77

Книжные магазины «ЧИТАЙ-ГОРОД»:

- м. «Б-р Дм. Донского», ул. Старокачаловская, д. 3,
корп. 2. Тел.: 711-01-72
  - м. «Новые Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 43,
корп. 2. Тел.: 332-80-00
  - м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 124. Тел.: 338-88-89
  - м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 5, корп. 1.
Тел.: 110-47-04
  - р-н Котловка, Севастопольский пр-т, д. 15, корп. 1.
Тел.: 123-62-51
  - м. «Южная», ул. Кировоградская, д. 9, корп. 2.
Тел.: 315-48-47
  - м. «Ш. Энтузиастов», шоссе Энтузиастов, д. 60, корп. 1.
Тел.: 176-00-62
- (склад-магазин, большие скидки от суммы покупки)

ЗАКАЖИ ПО ТЕЛЕФОНУ И ПО ПОЧТЕ!

*Издательство «РОСМЭН» предлагает вам
покупать книги, аудиопродукцию,
школьные товары, игрушки
по каталогу
«ЧИТАЙ-ГОРОД».*

**Выбранные вами товары вы
получите по почте
в любой точке России.**

**С помощью каталога вы сможете
заказать подарки любимым
людям и собрать целую
библиотеку, которой будет
пользоваться вся семья.**

**Если вас заинтересовало это предложение,
закажите каталог
«ЧИТАЙ-ГОРОД»,
прислав открытку или письмо по адресу:
127521, Москва, а/я 42,
«АбсолютПост».
Тел.: (095) 933-41-53.
E-mail: knigi@post.ru**

*Литературно-художественное издание
для СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Серия «Приключения Эдди Диккенса»*

АРДА Филип
БЕСПРОСВЕТНЫЙ ТУПИК

Ответственный редактор Т. Н. КУСТОВА
Художественный редактор Н. В. ЧЕЛМАКОВА
Технический редактор М. В. ГАГАРИНА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

*Издание подготовлено компьютерным
центром издательства «РОСМЭН».*

Лиц. изд. ИД № 04933 от 30.05.01.
Подписано к печати 05.08.2003. Формат 84 × 100 ¹/₃₂.
Бумага типогр. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,36. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1005. С–1276.
ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС».
125124, Москва, а/я 62.
Тел.: (095) 933-70-70.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

МЕЛКООПТОВЫЙ СКЛАД:
Москва, 1-я ул. Ямского поля, 28 (левое крыло).
Тел.: (095) 257-34-75.

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:
все города России, СНГ: (095) 933-70-73;
Москва и Московская область: (095) 933-70-75.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Арда Ф.

А79 **Беспросветный Тупик: Повесть/Пер. с англ.
И. Н. Фридмана. — М.: ООО «Издательство «РОС-
МЭН-ПРЕСС», 2003. — 189 с. — (Приключения Эдди
Диккенса).**

С Безумным Дядей Джеком и Еще Более Безумной Тетей Мод
Эдди отправляется в путешествие, которое превратилось для него
в череду абсурдных приключений.

«Беспросветный Тупик» — первая книга трилогии об Эдди Дик-
кенсе.

ISBN 5-353-01276-3

ББК 84(4Вел)

скан Larisa_F

